Владимир Великий

Знаменитые украинцы

FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Никто из первых киевских князей не оставил по себе такой памяти, как Владимир Великий. О нем и времени его правления на Руси, когда государство достигло вершины своего могущества, народ слагал былины, сказания и песни. Он крестил Русь и таким образом установил преемственную связь с Византией, которая была на тот момент центром европейской культуры и образования. С него Русь начала называться Святою и Православною, и Русская церковь причислила его к лику своих святых, назвав равноапостольным.

- Владимир Духопельников
  - От автора
  - «Откуда пошла Русская земля, кто в Киеве начал править»
  - Третий сын Святослава
  - Братоубийственная борьба
  - Начало державного пути
  - «И поставил кумиры на холме»
  - «Узнал я истинного Бога»
  - «И повелел крестить киевлян»
  - «Мать городам русским»
  - Литература

Владимир Духопельников
Владимир Великий

От автора

Никто из первых киевских князей не оставил по себе такой памяти, как Владимир Святославич. О нем и времени его правления на Руси, когда государство достигло своего могущества, отразило нападения печенегов и других внешних врагов, народ слагал былины, сказания и песни. В песнях этих величается князь стольнокиевский Владимир Красно Солнышко и прославляются его могучие богатыри. В песнях и былинах живет память о стародавних временах. Конечно, много в них за давностью перепутано, прибавлено, чего не было и быть не могло, а все-таки смысл их правдив. В иной песне поется, а в былине рассказывается про то, что было уже после Владимира: так, богатыри его бьются с татарами, тогда как про них при Владимире и слуху не было. Но это произошло потому, что крепко засел он в памяти народной, и никто другой из русских князей не может стать с ним вровень. Он был настоящий русский князь: на поле ратном грозный, на веселом пиру приветливый, милостивый, до нищей братии щедрый. Он крестил Русь; с него она начала называться Святой и Православной, и Русская церковь причислила его к лику своих святых, назвав равноапостольным. Память о Владимире Святославиче через многие столетия дошла до наших дней. Но прежде чем начать рассказ о Владимире Великом, обратимся к истории возникновения Руси.

«Откуда пошла Русская земля, кто в Киеве начал править»

Далекое прошлое русской, а в настоящее время и украинской, истории вызывало раньше и продолжает сегодня вызывать многочисленные споры, порождает разнообразные, порой диаметрально противоположные точки зрения и выводы. И это вполне закономерно. Первые летописи на Руси начали составлять в Киеве и Новгороде, предположительно с конца X – начала XI столетия. А дошедшие до нас летописи, включающие материал этих ранних свидетельств, датируются концом XIV–XVI столетием. Естественно, за это время на Руси утекло много воды, произошло много событий, изменивших конфигурацию государственных границ. Понятно, что летописцы, писавшие в поздние времена, видоизменяли тексты, вносили свои правки и дополнения. Вспомним пушкинского монаха Пимена, который трудился в тиши монастыря. И труд этот был нелегким, об этом говорит и монах из Нижегородского княжества Лаврентий: «Радуется купец прикуп сотворив, и кормчий в отишье пристав, и странник в отечество свое пришед; так же радуется и книжный списатель, дошед конца книгам. Тако ж и аз худый, недостойный и многогрешный раб божий Лаврентий мних… А ныне, господа отцы и братья, оже ея [если] где описал, или переписал, или не дописал, чтите [читайте], исправляя бога деля [ради бога], а не кляните, занеже [так как] книги ветхи, а ум молод, не дошел». Это единственная сохранившаяся летопись, у которой имеется конкретный автор. А начинается она с «Повести временных лет», написанной еще в начале XII столетия в Киеве монахом Нестором: «Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля».

Автор «Повести» начинает свое повествование рассказом о том, как разделена была земля между сыновьями Ноя. «По потопе [после потопа] трое сыновей Ноя разделили землю – Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу… Хаму же достался юг… Иафету же достались северные страны и западные… Дунай, Днестр, Кавказские горы, то есть Венгерские, а оттуда до Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в страны Сима. В странах же Иафета сидят русские, чудь и всякие народы…» Далее автор рассказывает о племенах славян, которые в будущем составят Русское государство. «Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне (жили в среднем Поднепровье. Здесь основан Киев), древляне (рядом с полянами,

вдоль реки Припять), новгородцы, полочане (на территории современной Беларуси), дреговичи и радимичи (верхнее течение Днепра), северяне (современная Черниговская и часть Сумской области), бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами. А вот другие народы, платящие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы – эти говорят на своих языках, они – потомство Иафета, живущее в северных странах». Таким образом, летопись свидетельствует о том, что на этой стадии у славян существовали государственные образования, поскольку они собирали дань с соседних племен. Затем автор характеризует быт и нравы славянских племен: «Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые – свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее – кто что даст. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах…»

Рассказывая о нраве и быте славян, летописец не забыл упомянуть и о том, что «жили они на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно». Здесь же помещен рассказ о возникновении на землях полян города Киева: «И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев… и были те мужи мудры и смыслены…» Затем автор приводит другую легенду, вероятно, распространенную в его время: «Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: "На перевоз на Киев"». Но эту версию

он отбрасывает, говоря: «Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, и великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил». Умер Кий, как и его братья и сестра, в Киеве.

После смерти Кия и его братьев, по версии русского летописца, в жизни восточных славян наступает черная полоса. Мимо Киева проходят то болгары, то обры, то угры [венгры]. На княжества восточных славян нападают кочевники – хазары. В Новгородской земле хозяйничают норманны – варяги [жители северных стран]. Летописец пишет: «Варяги из-за моря взимали дань с чуди и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма».

Восточные славяне воюют друг с другом. Борьба происходит и внутри каждого княжения. Особенно остро она разгорелась на северо-западе, среди племен, живших около озера Ильмень. «И начали сами собой владеть, и не было среди них правды, – пишет летописец, – и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: …поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву… И пошли за море к варягам, к Руси. Те варяги назывались Русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали Руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю Русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля…» Было это в 962 г. Через два же года «умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью один Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренное население в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик».

Приведенный текст позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, до призвания варягов Рюрика в славянских землях уже существовали определенные государственные образования: «и начали сами собой владеть» или «поищем себе князя». Во-вторых, Рюрик княжит в Руси: «И взяли с собой всю Русь». В-третьих, династия Рюриковичей утверждается первоначально на северо-западных землях.

Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о том,

как Рюрик был призван в славянские земли нет, то по сему поводу историки России и Украины уже более двух с половиной столетий ведут между собой ожесточенные споры. Тех, кто поверил летописи, назвали норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел и князь Рюрик – мифологический персонаж, стали называть антинорманистами. Кроме этих двух точек зрения, существует и третья – об автохтонном (т. е. местном) происхождении славян, русского народа и государства Русь. Эту точку зрения ее сторонники обосновывают топонимикой среднего Поднепровья. Так как исторические споры сторонников этих направлений не вместятся и в десяток пухлых томов, остановимся на наиболее вероятной версии событий. И прежде всего выясним, кто такие варяги.

Термин «варяг» в российской и украинской литературе (в западноевропейской литературе этот термин практически не встречается) в основном употребляется в собирательном смысле: северные люди – норманны. Многие современные исследователи считают, что и викинги – воины или разбойники, торговцы. (В древнескандинавском языке varingr происходит от var – верность, порука, обет; т. е. союзники, члены корпорации.) Именно викинги, или норманны, к концу I тысячелетия достигли берегов Америки, а в VIII–X столетиях они наводили ужас на всю Европу. Смелые воины, разбойники и купцы, вооруженные длинными прямыми мечами, норманны всюду приводили в трепет местное население. В самом начале IX в. норманны проникли на земли восточных славян и стали собирать с них дань. Здесь они соприкоснулись с хазарами. Через посредство хазар варяги начали торговать с арабским Востоком. Через несколько десятилетий после того как был найден путь к хазарам, варяги открыли Днепровский путь, ведший к Византии, – «путь из варяг в греки». Вожди викингов – конунги – захватывали земли в Западной и Восточной Европе и зачастую оседали там, становясь князьями, графами и даже королями. Такая же судьба была уготована Рюрику и его последователям. Так в летописи мы встречаемся со следующей записью: «И было у него [Рюрика] два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на холме небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Тамошние же жители ответили: «Было три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде».

Итак, в Киеве появились таинственные Аскольд и Дир. Имена этих князей задали много хлопот историкам, которые и до сего времени не могут установить, сколько их было? Двое или один? Арабские купцы говорили, что у руссов есть сильный князь Дир. А вот историк Ю. А. Сяков отождествляет этих бояр с воеводой эмира Кордовы первой половины IX в. Аскольдом аль-Диром. Такой же версии придерживается и другой историк, А. Б. Широкорад. Конечно, она не бесспорна, но имеет право на существование. Дело в том, что византийские источники говорят о походе руссов на Царьград в 860 г. (Русская летопись этот поход датирует 866 г. и говорит о том, что его возглавляли Аскольд и Дир.) Ряд современных российских и украинских историков утверждает, что поскольку Дира не существовало, поход возглавил Аскольд. Если мы примем за истину свидетельства византийских источников, что поход состоялся в 860 г., то, естественно, Аскольд не мог быть боярином Рюрика, поскольку последний пришел в Новгород только в 862 г. Такое утверждение позволяет некоторым украинским и российским историкам сомневаться в том, что Аскольд был скандинавом. Но пора вернуться к конкретному описываемому событию. Дело в том, что еще в 839 г. к французскому императору Людовику Благочестивому прибыло посольство от греческого императора Феофила. При посольстве находилось несколько людей из народа Русь. Не позже 842 г. значительные отряды варяго-руссов, как рассказывается в житии святого Георгия Амастридского, появились на Черном море около города Амастрида (город между Синопом и Константинополем). В скором времени последовал грандиозный поход на Царьград, о котором свои свидетельства оставили русские летописи и византийские хроники. Правда, расходятся они между собой не только в датировке похода, но и в характеристике славян-руссов. Русская летопись этот поход описывает так: «Отправились [в 866 г.] Аскольд и Дир войной на греков, и пришли туда в четырнадцатый год царствования Михаила». Здесь летописец выдерживает хронологию, поскольку ранее он упоминал: «В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля». Далее летопись повествует: «Царь же был в это время в походе на агарян… Эти же вошли внутрь Суда (предместье Царьграда), совершили много убийств христиан и осадили Царьград двумястами кораблей… Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и великие волны, чтобы разметать корабли язычников русских, и прибило их к берегу и переломало так, что немногим из них удалось избегнуть этой беды и вернуться домой».

Византийский же источник сообщает, что из устья Днепра около двухсот судов приплыли к Босфору: «Было нашествие варваров, россов – народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – губительный и на деле, и по имени народ… посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде принести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их (нечестивые) алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять…»

Взять Царьград тогда россам не удалось, но они полностью опустошили окрестности столицы Византии и, заключив мир, отправились восвояси. Возможно, в это время Аскольд и часть его дружины приняли в Царьграде христианство. По крайней мере, позже княгиня Ольга над его могилой поставила деревянную церковь в честь святого Николая.

Но возвратимся к событиям, происходившим в русских землях. Под 879 г. летописец записывает: «Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу – родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал». Игорь, согласно данным летописи, родился в 875 г. На Руси начался период правления Олега, прозванного Вещим.

О первых годах правления Олега в Новгородской земле летописец нам ничего не рассказывает. Можно предположить, что это было время собирания большой и сильной дружины, которую Олег планировал использовать для воплощения своих грандиозных планов – продвижения на юг, установления контроля над важнейшим торговым путем «из варяг в греки».

Год 882-й. В летописи находим: «Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам отправился к ним вместе с младенцем. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря

им, что-де «мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», а когда вынесли Игоря, добавил: «Вот он сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира… И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет матерью городам русским». И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозвавшиеся Русью». Для историков стало традицией считать захват Киева Олегом в 882 г. датой основания древнерусского Киевского государства.

Летописец о правлении Олега повествует скупо, кратко сообщая, что тот совершил несколько походов на славянские племена и заставил их, где силой, где угрозами, платить дань Киеву. Начал он в 883 г. с древлян, на следующий год пошел на северян, затем почти двадцать лет ушло на покорение дулебов, хорватов и тиверцев, но кривичей покорить не удалось. Эти походы Олега свидетельствуют о том, что земли восточных славян в это время имели довольно слабые политические и экономические связи как с Киевом, так и между собой. Кстати, это характерно было в тот период для многих стран Европы. Но до 1991 г. ни у одного из историков не возникало сомнений, что у всех славянских племен, входивших в состав Древнерусского государства, был один язык, одни верования, и они были одним народом. Что же касается варяжского элемента в Киевском государстве, то большинство варягов ассимилировалось, а остальные, прослужив несколько лет у киевского князя, отправлялись служить в Византию, а в отдельных случаях возвращались на историческую родину. Но в варяжском происхождении княжеской династии мало кто сомневался.

Сейчас трудно сказать, занял бы князь Олег достойное место в русской истории, не соверши он в начале X ст. свой знаменитый поход на Византию и не прибей щит к вратам Цареграда. Летописец это описывает так: «В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи. Этих всех называли греки "Великая Скифь"». Конные воины двинулись берегом, а большинство ратников на 2000 судах. На каждом из судов разместилось по 40 ратников.

Когда русские суда достигли Босфора, то греки перекрыли цепями и бревнами вход в залив Золотой Рог. Тогда, повествует летопись, «вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество

палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги». Далее, возможно, для прославления полководческого таланта Олега, летописец рассказывает легенду: «И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли по полю к городу Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани какой захочешь». И остановил Олег воинов…» Греки согласились выплатить Олегу «на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину» (одна гривна = 170 г серебра). Кроме того, выплатить дань для русских городов: Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча «и других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу… И повесил [Олег] щит свой на вратах в знак победы, и пошли [русские] от Царьграда… И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим…» (Сомнительно, чтобы Олег потребовал дань для Переяславля, поскольку этот город основан внуком Игоря Владимиром.)

Успешный поход Олега на Византию завершился не только получением большого выкупа, но и заключением выгодного для Руси торгового договора. Русские купцы, пришедшие в Константинополь, могли в течение шести месяцев торговать беспошлинно. Но место проживания им отвели в пригороде у церкви св. Мамы. Купцы на время проживания, после переписи их имен, получали продукты питания: хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи. Снабжались они продовольствием и на обратную дорогу домой. Правда, входить в город они имели право только через одни ворота, по 50 человек, без оружия, в сопровождении византийского чиновника. Интересно, что этот договор император Леон закрепил целованием креста, а Олег со своими мужами клятвою оружием и славянскими богами Перуном и Велесом.

Жизнь этого воинственного князя и собирателя восточнославянских земель в единое государство закончилась таинственным образом. Это прекрасно изобразил в своем произведении «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкин. А вот что об этом говорит «Повесть временных лет»: «В год 6420 (912). Жил Олег в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал волхвов (кудесников): «От чего мне смерть будет?» И сказал ему один волхв: «Князь! Коня любишь и ездишь на нем, – от него тебе

и умереть!». Теперь Олег вспомнил о нем, призвал конюха и спросил: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег посмеялся и укорил кудесника, сказав: «Не правду говорят волхвы, но все то ложь; конь умер, а я жив». Затем Олег приехал на место, где лежали кости коня, слез с седла и, посмеявшись, сказал: «От этого ли черепа смерть мне придет?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. «И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемою Щековица». Киевский стол занял Игорь, сын Рюрика, по нашим подсчетам было ему тогда 38 лет.

Летописец в годы правления на Руси Олега об Игоре упоминает всего два раза: в 903-м и 907 г. В первый раз говорится о женитьбе Игоря на псковской княжне Ольге; во второй о том, что Олег, отправляясь в поход на Византию, оставил Игоря в Киеве.

Скупо говорят летописцы и о внутренней политике Игоря. В летописи мы встречаем всего два упоминания о походе Игоря в 913-м и 945 г. на древлян, которые не захотели давать дань и дружинников Киеву. Причем в первый раз Игорю удалось победить древлян и возложить на них дань большую, чем они платили Олегу. Второй же поход закончился гибелью Игоря. Что же произошло? Летописец описывает это так: «В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда (воевода Игоря) изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле…» Существует легенда о страшной казни, которую придумали древляне для Игоря. Пленного Игоря они привязали к верхушкам двух наклоненных деревьев, а затем отпустили их.

Говорит летописец и о том, что в 915 г. впервые на Русь

приходили печенеги (кочевой народ южных степей), но заключили мир с Игорем и ушли на Дунай. Позже они стали союзниками Игоря в его походах на Византию.

Больше внимания уделил летописец внешней политике Игоря, прежде всего отношениям с Византией.

Первый поход (десять тысяч кораблей) Игоря на Византийские владения, вероятнее всего на Малую Азию, состоялся в 941 г. В начале русские дружины имели успех. Летописец сообщает: «Всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли». Русские вели себя в этой стране как варвары-завоеватели. Но греки собрали свои войска и одержали на суше победу. Оставшиеся в живых русские дружинники сели в свои ладьи и двинулись домой. Однако в море их встретил византийский флот. Греки стали «трубами пускать огонь на ладьи русских», – повествует летописец. И «было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламень, бросались в воду морскую, стремясь спастись, – и так оставшиеся их возвратились домой». Здесь они рассказали своим, что греки «будто молнию небесную имеют и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их». Неудача не сломила Игоря. В 944 г. он «собрал воинов многих: варягов, Русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев – и нанял печенегов, и заложников у них взял, и – пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя». Но сражения не произошло. Греки предложили выкуп, на который и согласилась дружина Игоря. На следующий год между государствами был подписан мирный договор. Правда, он оказался для Руси менее выгодным, чем договор Олега.

Когда через некоторое время после этого похода Игоря убили древляне, на княжеский стол села его жена Ольга, поскольку, как пишет летописец, его сын Святослав был ребенком. И здесь летописцем заложена новая интрига. В. Н. Татищев в своей истории указывает, что Игорь женился на Ольге в 903 г., а Святослав родился в 920 г. Летописец же под 946 г. записывает: «Ольга с сыном Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на древлянскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня, ударило коня в ногу, ибо был Святослав еще ребенок». Так был Святослав ребенком или 26-летним мужчиной? Кто прав? Летописец или В. Н. Татищев? Предположим, что прав летописец, и Святославу на время похода было лет 5–6. Тогда Игорю было минимум 60 лет, а Ольге 50–53 года. (Биологи утверждают, что рождение ребенка в таком возрасте возможно.) А что Татищев? Он пишет, что о рождении Святослава говорят только Новгородская летопись и

Рогожский летописец. Остальные же летописи об этом не упоминают. Что ж, будем считать, что Святослав был поздним ребенком.

Ольга, судя по имени (греческий император Константин Багрянородный приводит его скандинавскую форму – Хельга), была варяжка из Пскова. Она управляла государством до 964 г. Ольга, согласно преданиям, была мудрой женщиной. Она хитростью мстит древлянам, хитростью берет древлянскую столицу Искоростень, наконец, в Царьграде оказывается хитрее императора. Но не за одну хитрость Ольгу прозвали мудрейшей. Она объехала всю свою землю и повсюду оставила следы своей распорядительности, устанавливая «уставы» (как и что делать) и определяла «уроки» (обязанность, которую должны выполнять жители к определенному сроку, будь то уплата известной суммы денег или какая-нибудь работа и т. п.). Одновременно она определила места (погосты), куда в определенное время года должна была свозиться дань для киевского князя. Таким образом, Ольга сменила архаическую систему полюдья (сбор дани князем, количество которой определялось его жадностью, на строгую систему сбора определенного количества дани. Теперь дань привозили на погосты, где ее принимали княжеские чиновники (тиуны).

Ольга прекратила внешние походы, стоившие людских потерь, а наиболее заинтересованных в таких походах – прежде всего наемных варягов – отправляла в качестве вспомогательных отрядов в Византию, где они сражались с арабами и прочими врагами империи.

Ольга с дипломатическими целями сама ездила в Царьград. Летописец под 955 (957) г. записал: «Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду». Но здесь случился казус, который, вероятно, из каких-то политических соображений опустил автор «Повести временных лет». Дело в том, что Ольга просидела на своем корабле, ожидая приема у императора, более двух месяцев, о чем она немного позже напомнит послам императора в Киеве: «Если ты [император] так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе [обещанные подарки]». Но вернемся к пребыванию Ольги в Константинополе.

Когда император увидел княгиню, то был пленен красотой ее лица и разумностью мыслей. Легенда повествует, что император якобы ей сказал: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Ольга поняла это как предложение императора стать его женой, но ответила: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам – иначе не крещусь». Император вместе с патриархом крестили Ольгу и нарекли ее христианским именем

Елена. Император после крещения вновь обратился к Ольге: «Хочу взять тебя в жены себе». На что Ольга ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это – ты сам знаешь». Император поразился ее мудрости, одарил богатыми подарками и отпустил домой. Таким образом, благодаря крещению Ольга вошла в высшие придворные круги византийского общества, ей в Византии был присвоен титул архонтиссы, то есть начальницы руссов.

«Передышкою» в правлении Ольги воспользовался ее сын Святослав, деятель необычайно энергичный и воинственный, одна из самых ярких фигур русской истории. Святослав начал править еще при жизни матери. Под 964 г. летописец записал: «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и легко ходил в походах, как пардус, и много воевал». Стоит отметить, что в отличие от матери, Святослава не интересовало внутреннее управление государством, которым Ольга ведала до самой смерти. Святослав почти не сидел в Киеве и все недолгое время своего самостоятельного правления (около 8 лет, с 964-го по 972 г.) провел в далеких походах. Несмотря на все настояния матери, Святослав не захотел принимать христианство и остался язычником. «Как мне одному переменить веру? – говорил он. – Дружина начнет смеяться надо мною». Святослав любил суровую походную жизнь, он в походах, по словам летописца, «не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, такими же были и все прочие воины». Когда же шел войной против кого-то, делал это открыто. «И посылал в иные земли со словами, – записывает летописец, – "Хочу на вас идти"».

Святослав, подобно Олегу и Игорю, начал свою деятельность борьбою с хазарами. После похода на вятичей, данников хазар, он пошел войной и на само царство. Главные города хазар: Саркел (Белая Вежа) на Дону и Итиль на Волге покорились русскому князю. Однако поход Святослава на хазар имел совершенно другие цели, нежели набеги Игоря. Набеги Игоря – это простой грабеж. Святослав же имел намерение прочно обосноваться в этом районе и обезопасить свой тыл на время планируемых им походов на запад. Можно предположить, что, разгромив хазар, Святослав принял и титул их государя – каган. По крайней мере, преемники Святослава этот титул носили, и в середине XI в. митрополит Илларион величал этим титулом как Владимира Святого, так и Ярослава Мудрого.

Походы Святослава на Запад начались в 967 г. с кампании против дунайских болгар. Поход оказался успешным. Святослав захватил город Переяславец на Дунае и в нем утвердился. «Хочу жить в Переяславце, – заявлял князь, – там середина моей земли, туда стекаются все блага: из Греческой земли золото, ткани, вина и плоды, от чехов и угров (венгров) – серебро и кони, из Руси – меха, мед и рабы». Возможно, мечты Святослава и осуществились бы, если бы не появление новых и опасных врагов – печенегов. Дело в том, что, разгромив хазар, Святослав увел оттуда свои дружины и тем самым открыл путь на Русь новым кочевникам – печенегам. Они не заставили себя долго ждать. Уже под 968 г. летописец записывает: «Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце». После этого похода до 1036 г. были и другие. Часто печенеги появлялись сами, но иногда их приглашали и русские князья, используя в братоубийственной войне.

На западе Святослав, захватив болгарские земли, оказался у границы с Византийской империей. Греки не могли равнодушно смотреть на то, что на Дунае один противник (болгары) сменился другим (руссами). Византийский император Иоанн Цимисхий, один из самых блестящих полководцев Византии, лично повел свои войска на Святослава, одолел его и запер в крепости Доростоле. Святослав должен был заключить мир на условии удаления из Болгарии, в результате чего рушились его дунайские планы. Но коварный император не только добился мира на Балканах, но решил нанести Святославу удар и со стороны степи. Летописец записывает: «А переяславцы (по совету Цимисхия) послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги». На Днепровских порогах Святослав попал в засаду, был убит, и из его черепа печенежский князь Куря сделал себе чашу для питья.

В Киеве начал княжить старший сын Святослава Ярополк, а младшие сыновья: Олег – в древлянской земле, а Владимир – в Новгороде.

Третий сын Святослава

Год рождения Владимира мы можем установить только приблизительно, ибо русские летописцы, до времени правления на Руси Ярослава Мудрого, такое событие, как рождение у князя сына, оставляли без внимания. Это и дает основание многим исследователям пытаться установить свою дату рождения Владимира. Авторы «Славянской энциклопедии» (Москва, 2001 г.) утверждают, что он родился в Киеве в 948 г., что, по нашему мнению, маловероятно. Летопись под 946 г. сообщает: «Ольга (жена князя Игоря) с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на древлянскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня в ногу, ибо был Святослав еще ребенок». Под 947 г. та же летопись сообщает: «И так, уставив все [установив погосты, определив уроки и дани] Ольга возвратилась к сыну своему в Киев и там жила с ним в любви». А Степенная новгородская книга под этим годом фиксирует: «в сие же ея бытие родился Владимир Великий». Однако та же энциклопедия утверждает, что Святослав родился около 942 г. В этой связи возникает естественный вопрос: а мог ли у шестилетнего ребенка родиться сын? О том, что Владимир родился позже 948 г., можно судить и по другим записям летописей. Так, под 955 г. летопись сообщает, что Ольга в Константинополе приняла христианство и возвратилась в Киев. Здесь она сказала Святославу: «Да будет воля Божья; если захочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне». И говоря так, молилась за сына и за людей всякую ночь и день, руководя сыном до его возмужалости и до его совершеннолетия». И только в 964 г. – мы уже приводили соответствующие отрывки из летописи, – «Святослав вырос и возмужал». Обратимся еще к одному свидетельству летописи, датированному 968 г.: «Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга со своими внуками – Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве». Итак, в 968 г. у Святослава уже имелось три сына. Причем Владимир как младший поставлен на третье место. Предположим, что Святослав мог жениться в 15–16 лет (957–958 гг.). Первый ребенок мог родиться в 958–959 гг. Второй – годом позже. Следовательно, Владимир мог родиться в эти же годы, но не позже 960 г. Святослав был язычником и для него моногамный брак был не обязательным. Владимир, как известно,

родился от ключницы Малуши.

О матери Владимира Малуше летопись упоминает всего один раз под 970 г. «Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши – ключницы Ольгиной, Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород…»

Эта запись, в свою очередь, вызывает вопросы. Во-первых, почему Святослав не выделил Владимиру, как и его братьям, удел? Историк С. М. Соловьев обосновывает это тем, что Владимир родился от ключницы Ольги, т. е. рабыни. О происхождении Малки (Малуши) существует, по крайней мере, две версии. Одну из них приводит В. Н. Татищев: «Владимир рожден от Малуши, ключницы Ольгиной, дочери Малка любчанина и сестры Добрыниной. Родился же Владимир в Будятине селе, за что Ольга разгневався на Малушу, сослала ее от себя». На другую – ссылаются многие исследователи, в том числе и авторы «Славянской энциклопедии»: «Владимир, сын киевского князя Святослава Игоревича и Малуши, дочери древлянского князя Мала». Оставим в стороне споры о происхождении матери Владимира. Главное – она была ключницей княгини Ольги. С. М. Соловьев утверждает, что по древнему уставу (обычаю) даже вольный человек, став ключником, превращался в раба. И далее он говорит: «Итак, Владимир был не совсем равноправный брат Ярополка и Олега. Многоженство не исключало неравноправности: если было различие между женами и наложницами, то необходимо долженствовало существовать различие и между детьми тех и других. Но если многоженство не исключало неравноправности детей, то, по крайней мере, много ослабляло ее: было различие между детьми наложниц – правда, все же не такое различие, какое, по нашим понятиям, существует между детьми законными и незаконными. На это малое различие указывает уже то явление, что новгородцы приняли Владимира как князя и после не полагается между ним и братьями никакого различия. Здесь, естественно, имело силу не столько различие между законностью и незаконностью матери, сколько знатность или низость ее происхождения; разумеется, ключница, рабыня, полюбившаяся Святославу, не могла стать наряду с другою его

женою, какой-нибудь княжною или дочерью знатного боярина; отсюда низость матери падала и на сына, не отнимая, впрочем, у него отцовских прав; Владимир был князь, но при случае, когда нужно было сравнить его с остальными братьями, могли выставить над ним низкое происхождение его матери; так, позже полоцкая княжна Рогнеда, выбирая между двумя женихами, Ярополком и Владимиром, говорит, что она не хочет идти замуж за Владимира как сына рабыни. Обратить внимание на это обстоятельство было очень естественно княжне, ибо при многоженстве женщины знатного происхождения старались как можно резче отделить себя от наложниц своих мужей, и презрение, которое питали к наложницам, старались переносить и на детей их. Святослав сначала не дал волости Владимиру и потом отпустил его в Новгород, могши в самом деле испугаться угрозы новгородцев, что они откажутся от его рода и найдут себе другого князя. Добрыня хлопотал об этом, надеясь, во время малолетства Владимирова, занимать первое место в Новгороде и не надеясь, чтобы после старшие братья дали младшему хорошую волость; новгородцы же приняли малолетнего Владимира потому, что он все-таки был независимый князь, а не посадник, притом же надеялись воспитать у себя Владимира в своем обычае; они и после любили иметь у себя такого князя, который бы вырос у них».

Владимиру в то время было лет 10–11, но рядом с ним находился Добрыня – человек большого ума и энергии, расчетливый политик и опытный, но жестокий воин, оказавший большое влияние на своего племянника. После гибели Святослава Добрыня – ближайший родственник, и, по обычаю, стал мальчику «отца в место». Место отца – это обязанности и права отца, и по тем, весьма патриархальным временам, не малые. Судя по дальнейшей его деятельности при Владимире, Добрыня и за море едет, и в Новгороде идолов ставит, и свергает этих идолов. Ряд исследователей считает Добрыню прообразом былинного героя Добрыни Никитича. Он и гусляр-сказитель, и богатырь, свой в пирах и в былинных богатырских заставах князя Владимира.

Новгород в то время еще не был крупным городом, а объединял всего несколько посадов. Новгород располагался на территории с холмистым рельефом, на обоих берегах реки – редчайший случай для средневековья, когда города обычно находились на одном из берегов, более высоком. Жилые дома и вспомогательные помещения в Новгороде строились исключительно из дерева, потому новгородцы считались самыми лучшими плотниками. В городе еще в 953 г. появляется одна из первых деревянных мостовых. Новгородская знать уже в то время

владела обширными земельными и охотничьими угодьями и рыбными ловами. С населения северо-западных земель собирали дань варяги. Но в 862 г., как сообщает летопись, «изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом». Война приводила к разорению хозяйства, но не к примирению. Тогда новгородцы обратились к варягам, Руси, как мы уже упоминали. Так в Новгороде появились Рюрик с братьями, Синеусом и Трувором. Возможно, они определили сумму дани с новгородцев на содержание своей дружины, которая составляла 300 гривен (более 5 кг серебра) в год. В 947 г. княгиня Ольга устанавливает порядок сбора дани с Новгородской земли и для Киева. Сумма дани значительно увеличилась. Теперь с новгородцев собирали 3 тысячи гривен: 2 тысячи для Киева, а одна оставалась для новгородского князя на содержание его дружины. Эти суммы позволяют нам составить представление не только о богатстве новгородской земли, но и о возможностях новгородцев – в случае необходимости они могли содержать значительную дружину. Пожалуй, именно поэтому воевода Святослава Добрыня предложил новгородцам на княжение своего племянника.

Итак, Владимир княжит в Новгороде, ладит с боярством и купцами быстро растущего и богатеющего города, приносит кровавые жертвы на Перыни, жжет вокруг фигуры резного идола костры священного и всеочищающего огня.

Добрыня воспитывал княжича в традициях своего времени. В свои шестнадцать лет Владимир выглядел настоящим молодцем – рослым, статным и ловким. Он являлся участником всех драк и потасовок со сверстниками, азартным охотником и рыболовом. Добрыня приучал Владимира к дальним походам, прививал навыки командования дружиной в бою, посылал его «за море» – на Балтийское побережье, чтобы тот освоился с поморами и свеями (шведами), попробовал вербовать там воинов и привлекать к себе на службу шведских ярлов-воевод. Добрыня исподволь готовил своего племянника ко всевозможным испытаниям, ожидая часа, чтобы вступить в борьбу за место под солнцем. Дядя предвидел, что в Киеве не станут долго терпеть его как новгородского посадника, а Владимира – в качестве наместника и постараются избавиться от обоих тем или иным способом. Возможно, здесь Владимир обзавелся первой женой, от которой у него родился сын Вышеслав.

Братоубийственная борьба

Из летописных рассказов мы видим, что большую роль в формировании личности князя играли их воспитатели и ближние бояре. Воспитателем Игоря и Святослава был Свенельд, Владимира – Добрыня. У брата Владимира Ярополка – Блуд. Часто эти воспитатели, или ближние бояре, являлись зачинателями борьбы между братьями-князьями, которая заканчивалась братоубийством. Именно это произошло в 975 г. Вспомним, что Святослав в свое время выделил Ярополку киевскую землю, а Олегу – древлянскую. Каждый князь, по традиции, становился хозяином своей территории, куда вход посторонним был запрещен. Но однажды Лют, сын Свенельда, пошел на охоту. В погоне за зверем он вошел во владения князя Олега. Олег в это время тоже охотился и в лесу встретил Люта. «И спросил [Олег] своих: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, напав, убил его Олег». И далее летопись повествует: «За это отец Лютов Свенельд озлобился на Олега сильно; забыв должность свою и клятву к государю, отцу его, начал подговаривать Ярополка на Олега, брата его, чтобы княжение его отнял, желая отомстить убийство сына своего. Ярополк же долго не принимал этого злого совета, храня любовь братскую». Но Свенельд не унимался и добился своего. Под 977 г. летописец записал: «Пошел Ярополк походом на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполчились (приготовились к бою) обе стороны. И в начавшейся битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Овруч, а через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ров. Много людей падало туда, причем кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата, и искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: «Видел я, как вчера спихнули его с моста». И послал Ярополк найти брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра до полудня, и нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду: «Смотри, этого ты хотел!» И похоронили Олега в поле у города Овруча… И наследовал власть его Ярополк», т. е. Ярополк стал единовластным правителем центральных территорий Киевского государства.

Владимир, когда узнал о смерти брата, испугался и вместе с Добрыней бежал за море. Ярополк воспользовался этим и направил в Новгород своих наместников. Так на время

установилось его единовластное правление в Русской земле.

Владимир почти три года пробыл за морем. Возможно, там он принимал участие в норманнских походах и сумел подобрать себе надежную варяжскую дружину. С этим войском Владимир возвращается в Новгород, прогоняет Ярополковых посадников и приказывает им сказать своему брату: «Владимир идет на тебя, приготовляйся к войне». Здесь во Владимире впервые проявился характер отца, который всегда посылал своим противникам предупреждение: «Иду на вы!». Желание идти на Киев поддержали новгородцы. Ни боярство, ни купечество не пожалели средств на то, чтобы взять Киев. Они, вероятно, рассчитывали, что первенство в государстве может перейти к Новгороду вместе с властью над землями, вместе с данями, правыми и неправыми поборами и многими другими преимуществами столицы. Возможно, новгородцы рассчитывали на другие привилегии, например, получить автономию. Но прежде чем двинуться на Киев, Владимир со своими советниками решили нейтрализовать, а в лучшем случае, заручиться поддержкой Полоцкого князя Рогволода, происходившего из норманнов. Полоцкое княжество располагалось по пути следования из Новгорода на Киев, там разветвлялся «путь из варяг в греки», а Западная Двина выводила ладьи с юга прямо в Балтику. Владимиру и Добрыне не ясна была позиция полоцкого князя. Прежде всего, они не знали, кого в предстоящей борьбе может поддержать полоцкий князь. А ведь при движении дружины Владимира из Новгорода на Киев Полоцкая земля оставалась у него в тылу. Владимиру, в случае недружелюбия полоцкого князя, оставлять его за своей спиной было небезопасно. Возможно, Владимир знал и о том, что Ярополк со своей стороны искал союза с Рогволодом и желал этот союз закрепить женитьбой на его дочери Рогнеде. (Ярополк к этому времени уже был женат, но ведь языческая религия не запрещала иметь несколько жен.)

Владимир, желая заключить союз с полоцким князем, посылает к Рогволоду послов и просит руки его дочери Рогнеды. (Такой прием в те отдаленные века был очень популярным.) Летописец говорит, что Рогволод оказался в затруднительном положении, можно сказать, между двух огней. В такой ситуации полоцкий князь решил, что дело может решить только дочь. Когда Рогволод спросил Рогнеду, хочет ли она идти за Владимира, то та ответила: «Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка». (По обычаю Древней Руси в день свадьбы молодая жена разувала мужа.) Таким образом, послы Владимира получили отказ. Об этом они и сообщили своему князю.

Отказ Рогнеды привел в ярость Владимира и его дядю. Они

быстро собрали большое войско и пошли на Полоцк. А в это время в Полоцке уже собирались везти Рогнеду в Киев, чтобы выдать замуж за Ярополка.

Войско Владимира было хорошо укомплектовано и подготовлено к боевым действиям. В него входили около двух тысяч закованных в броню варяжских наемников во главе с ярлом Фулиером, а также новгородские дружины вместе с отрядами финских племен общим числом около десяти тысяч. Имелось великое множество тяжелых и легких судов – норманнских лайв и шнеков, новгородских ушкуев, учанов-однодревков. Это огромное по тем временам войско летом 978-го или 980 г. оказалось под стенами Полоцка. Появление новгородского войска для жителей города явилось полной неожиданностью. Атака новгородцев оказалась настолько мощной, что дружина Рогволода не могла оказать ей серьезного сопротивления. Не поддержали своего князя и жители города, которые, вероятно, натерпелись от своеволия иноземцев. В короткой и жестокой сече пало все войско Рогволода, а сам князь и оба его сына Роальд и Свен были убиты. Владимир вошел в Полоцк и объявил жителям о заключении с ними вечного мира и союза, а также об оставлении в городе своего наместника с малой дружиной.

Более развернутую картину событий в Полоцке рисует позднейшая Лаврентьевская летопись (конец XIV в.). «Услышав же, Владимир разгневался за ту речь, за то, что сказала не хочу за сына рабыни, пожаловался Добрыне и пришел в ярость и, взяв войска, пошел на Полоцк, и победил Рогволода. Рогволод же укрылся в городе. И подступили к городу, и взяли город и самого Рогволода пленили, и жену его, и дочь его…» «И Добрыня поносил его [отца Рогнеды], и дочь его, вспоминая ей о сыне рабыни, и велел Владимиру быть с нею перед отцом и матерью (изнасиловать на глазах отца и матери). Затем отца ее убил, а ее саму взял в жены. И была она названа Гориславой…»

Путь на Киев теперь был безопасным. Из Полоцка Владимир двинулся со своим войском на Ярополка. Ярополк, князь «храбрый и сильный», мог выставить против брата значительные силы. Незадолго до этого, сообщает летописец, «пришел к Ярополку печенежский князь Илдея, отдаваяся ему в службу. Ярополк же прият его милостиво, дал ему городы [города] и волости и имел его в чести великой». Подтвердили союзный договор с Киевом и греки. В такой ситуации Владимир и Добрыня, возможно, не были уверены в результатах открытого сражения и решили найти изменника в стане противника. Им оказался любимец Ярополка, воевода киевский Блуд, которого Ярополк во всем слушался. Летописец пишет: «Владимир же

послал к Блуду – воеводе Ярополка – с лживыми словами: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца, и честь большую получишь от меня, не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд послам Владимировым: "Буду с тобой в любви и дружбе"». Блуд начал обманывать своего князя и вести переговоры с Владимиром. Когда Ярополк решил со своей дружиной выйти навстречу Владимиру, Блуд ему сказал: «Княже, для чего хочешь войско трудить, я бо совершенно ведаю, что Володимир во своих войсках любви не имеет и, яко робинич, укоряем. И когда тебя увидят войска его, все без бою предадутся тебе; для сего нет нужды тебе противо его выходить, но жди его в Киеве». Ярополк так и сделал. В это время Владимир подступил к городу. Сторонники Ярополка советовали князю выйти с дружиной из города и дать открытое сражение Владимиру. Но Блуд не разрешал дружине не только выйти в открытое поле, но и делать вылазки из города против войска Владимира. Дружинники киевского князя, видя его бездействие, стали тайно переходить к Владимиру. Этим воспользовался Блуд, и стал говорить своему князю: «Киевляне ссылаются с Владимиром, зовут его на престол, обещаются предать тебя ему; побеги лучше за город», и посоветовал нанять печенегов. Ярополк поверил Блуду, поскольку тот согласился бежать вместе с ним, вышел из Киева и направился к пограничному городу Родня, который находился в трех днях конного пути от Киева. Киевляне, оставшись без князя, отворили ворота и впустили в город Владимира.

Владимир и Добрыня, понимая незаконность владения киевским столом, поскольку оставался живым старший брат, направили к Родне сильное войско. Войско окружило Родню и держало город несколько месяцев в осаде. У населения Родни закончились запасы продовольствия, и в городе начался сильный голод. Ужас этих событий нашел отражение в пословице: «Беда, как в Родне».

Тяжелое положение в городе вновь, как и раньше, в своих целях решил использовать коварный Блуд. Он говорил Ярополку: «Видишь, как много войска у брата твоего, нам сопротивляться ему не с чем, заключи мир с братом своим». На этот раз у Ярополка действительно не было сил для того, чтобы оказать сопротивление брату, и он согласился на предложение Блуда: «Пойди к брату своему и скажи: я тебе уступаю Киев, а прошу, дай мне то, что ты сам рассудишь, и я тем буду доволен». Ярополк стал готовиться идти в Киев, где в отцовском тереме уже сидел Владимир. Но среди дружинников нашелся верный ему (его звали Варяжко), который сказал: «Княже, не ходи, убьют тебя, но

уйди в печенеги и приведи войско». Однако Ярополк не послушал дружинника и пришел в Киев к брату. В Киеве Ярополк направился в отцовский терем, где его ожидали не только брат со своими боярами, но за приоткрытыми воротами, ведущими на теремное подворье, стояли два варяга с обнаженными мечами. Князь направился в терем, а Варяжко и его люди остались дожидаться за воротами, не слезая с коней.

Как только Ярополк миновал ворота, варяги подняли его на мечи. Спутники князя кинулись к воротам на выручку, но вышедший из укрытия Блуд быстро закрыл створки. Варяжко и его товарищи, услышав предсмертные крики князя, поскакали из города в степь, к печенегам, подальше от места подлого убийства. В дальнейшем Варяжко со своим отрядом и печенегами еще не раз будет досаждать своими набегами великому князю. Летописец запишет: «С трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание».

Иначе сложилась судьба Блуда, который «принял от Владимира честь великую». Но эти почести длились всего три дня. Летописец замечает: «Убит был от Владимира, который сказал: "Я тебе по обещанию моему честь воздал, как приятелю, а сужу, как изменника и убийцу государя своего,». Владимир окончательно утверждается в Киеве и становится единовластным правителем Руси. Было ему в то время немногим более 20 лет.

Начало державного пути

Молодой князь, захватив киевский стол, оказался в сложной ситуации: необходимо было решать многочисленные вопросы, касающиеся внутренней и внешней политики государства. Ему в целом удавалось их успешно разрешать благодаря тому, что рядом находились талантливые воспитатели и наставники: Добрыня, воеводы Путята и Волчий Хвост, бояре Вратислав и Чудин, а также ряд племенных вождей и городских старейшин. Опираясь на их опыт и талант, Владимир и его дядя смогли определить главные принципы и направления своей внутренней и внешней политики.

Набирается ума, опыта, мужает и сам молодой князь. Он остепеняется, начинает строить планы создания мощного государства с центром в Киеве. Но все это придет со временем.

Поначалу Владимир очень напоминает своего отца, язычника Святослава. Летописец пишет: «После убийства Ярополка взял Владимир к себе жену Ярополка гречанку, бывшею ранее монахиней, которую Святослав взял в плен и, за красоту ее лица, выдал замуж за Ярополка. Она в то время была беременна и вскоре родила сына, злого и беззаконного Святополка, от греховного ложа не может благочестивый родиться; во-первых, была черница; во-вторых, прелюбодействовал с ней Владимир не по браку и осквернил семя брата своего. Поэтому Святополк был прелюбоденый сын от двух отцов, Ярополка и от Владимира, и Владимир его не любил». (На самом деле Владимир относился к Святополку так же, как и к другим сыновьям.) Одновременно в Киев прибыла и Рогнеда. Ее Владимир поселил в селе Предславино. Летописец ярко рисует отношение Владимира к женщинам в целом: «Был же Владимир побежден вожделением, и вот какие были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне сельцо Предславино, от нее имел четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей (на самом деле Ярослав второй сын). От гречанки имел он Святополка, от чехини – Вышеслава, а еще от одной жены – Святослава и Мстислава, а от болгарыни – Бориса и Глеба, а наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести на Берестове, в сельце, которое сейчас называют Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и расстляя девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц». Многоженство мужа-язычника не смогла стерпеть Рогнеда. И однажды, когда Владимир, посетивший ее в

загородном селе, заснул в опочивальне крепким сном, Рогнеда решила убить мужа. В то время, когда Рогнеда была уже готова нанести удар ножом, Владимир проснулся и схватил жену за руку. Напомнив мужу о жестокой смерти отца и братьев, отчаявшаяся Рогнеда, проливая слезы, начала жаловаться ему, что он ее давно не любит, как не любит и их сына, Изяслава. Владимир решил собственноручно казнить преступницу Он велел ей надеть брачное платье, все украшения, сесть на богатое ложе в светлой комнате и ожидать своей смерти. «И когда, – пишет летописец, – гневный муж и судья вступили в сию храмину… тогда юный Изяслав, наученный Рогнедою, подал ему меч обнаженный и сказал: "Ты не один, о родитель мой! сын будет свидетелем"». Владимир бросил меч на землю и сказал сыну: «Кто знал, что ты здесь». После этого он удалился, собрал бояр и просил их совета, как поступить дальше. «Государь! – сказали они, – прости виновную для этого младенца и дай им в удел бывшую волость отца ее». Владимир согласился с этим предложением. Он построил в Полоцкой земле новый город, назвал его Изяславлем [место недалеко от Минска] и отправил туда мать и сына. Полоцкая земля в дальнейшем находилась на особом, обособленном от Киева положении.

Судьба Рогнеды, описанная летописцем, волновала воображение многих поэтов, художников, композиторов. Художник Н. Медведев написал великолепную картину «Владимир и Рогнеда». Композитор А. Н. Серов создал оперу «Рогнеда», а поэт-декабрист Кондратий Рылеев одноименную драму в стихах. В ней раскрываются не только образы героев, но и психология семейных взаимоотношений того периода времени.

При стуках чаш боян поет,
Вновь тешет князя и дружину…
Но кончен пир – и князь идет
В великолепную одрину.
Сняв меч, висевший при бедре,
И вороненые кольчуги,
Он засыпает на одре,
В объятьях молодой супруги…

Князь спит спокойно… Тихо встав,
Рогнеда светоч зажигает
И в страхе, вся затрепетав,
Меч тяжкий со стены снимает…

Идет… стоит… ступила…

Едва дыханье переводит…
В ней то кипит, то стынет кровь…
Но вот… к одру она подходит…
Уж поднят меч!.. Вдруг грянул гром,
Потрясся терем озаренный —
И князь, объятый крепким сном,
Воспрянул, треском пробужденный —
И пред собой Рогнеду зрит…
Ее глаза огнем пылают…
Подъятый меч и грозный вид
Преступницу изобличают…

Меч выхватив, ей князь вскричал:
– На что дерзнула в исступленьи?..
– На то, что мне повелевал
Ужасный Чернобог – на мщенье!
– Но долг супруги? Но любовь?..
– Любовь! к кому?. к тебе, губитель…
Забыл, во мне чья льется кровь,
Забыл ты, кем убит родитель!..

Опустим монолог Рогнеды, в котором подробно излагаются все обиды, нанесенные ей Владимиром. Важны последние слова:

С какою жадностию я
На брызжущую кровь глядела,
С каким восторгом бы тебя,
Тиран, угасшего узрела!..

В ответ от князя следует жестокий приговор:

Супруг, слова прервав ея,
В одрину стражу призывает.
«Ждет смерть, преступница, тебя!» —
Пылая гневом, восклицает.
«С зарей готова к казне будь!
Сей брачный одр пусть будет плаха!
На нем пронжу твою я грудь
Без сожаления и страха!»

Но, как нам известно, казнь не состоялась. В события вмешался сын Изяслав.

И вот денница занялась,
Сверкнул сквозь окна луч багровый —
И входит с витязями князь
В одрину, гневный и суровый.
«Подайте меч!» – воскликнул он.
И раздалось везде рыданье.
«Пусть каждого страшит закон!
Злодейство примет воздаянье!»

И быстро в храмину вбежал:
«Вот меч! Коль не отец ты ныне,
Убей!» – вещает Изяслав.
«Убей, жестокий, мать при сыне!»
Как громом неба поражен,
Стоит Владимир и трепещет,
То в ужасе на сына он,
То на Рогнеду взоры мещет…

Речь замирает на устах,
Сперлось дыханье, сердце бьется,
Трепещет он, в его костях
И лютый хлад, и пламя льется,
В душе кипит борьба страстей:
И милосердие, и мщенье…
Но вдруг, с слезами из очей —
Из сердца вырвалось: «Прощенье!»

Вспомнив эти интересные предания, повествующие о взаимоотношениях Владимира и Рогнеды, попробуем определить последовательность рождения его сыновей, поскольку летописец местами противоречит сам себе. Поставим под сомнение и дату летописи – 988-й или 989 г., под которой повествуется о разделении Владимиром земли между его 12 сыновьями. Никифоровская летопись, В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин дают цифру 10, С. М. Соловьев – 11, а родословная Екатерины II – 13 сыновей. Остановимся на данных Новгородской и Киевской летописей: «И просветился Владимир сам, и сыновья его, и земля его. Было у него двенадцать сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав». Здесь первая закавыка. Как у Владимира могли родиться к этому времени Борис и Глеб, которые названы детьми царевны Анны, ставшей женой Владимира только в 989 г., после взятия им Корсуни? А

поскольку летопись везде говорит о том, что Глеб – младший брат Бориса, то он не мог быть его близнецом и родился после него. Следовательно, Борис мог родиться в 990-м или 991 г., а Глеб – на год позже. Летописец расположил Станислава, Позвизда и Судислава после Глеба, следовательно, они могли родиться не раньше 992–995 гг. Тогда мы можем предположить, что Владимир дважды производил разделение земли. Первый раз это произошло не раньше 997 г., когда Владимир «в Новгороде оставил Вышеслава». Возможно, в тот же год он посадил «Изяслава в Полоцке, Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове». Второе разделение земли между всеми живыми на тот момент сыновьями произошло не ранее 1010 г., года смерти Вышеслава. «Преставился в Новгороде Вышеслав, сын Владимира, – записывает летописец. – И дал Владимир Новгород Ярославу, а Борису Ростов, Ярослава вотчину, Глебу, брату его, Муром, вотчину Борисову, поскольку он неотлучно находился при отце, Святослава посадил в Древлянской земле, Всеволода во Владимире-Волынском, Мстислава в Тмутаракани, Станислава в Смоленске, а Судислава в Пскове». К этому времени, после смерти Изяслава в 1002 г., в Полоцке княжили его наследники.

В этой схеме старшинство Ярослава, который получил Новгород и тем самым опередил Святополка, позволяет подтвердить свидетельство Хроники Титмара Мерзебугргского. Автор указывает, что Владимир в это время гневался на Святополка и последний даже находился в заключении.

Установив старшинство среди сыновей Владимира, попробуем разобраться и с их матерями. Вышеслав, как старший по списку, должен был родиться раньше Изяслава. Первый ребенок от Рогнеды – Изяслав. Значит, Вышеслав должен был родиться от какой-то другой, первой жены Владимира. Такой брак мог быть заключен или в Новгороде, или во время пребывания Владимира в Скандинавии, когда ему было лет восемнадцать. Подтверждает такое предположение Иоакимовская летопись – в ней говорится, что матерью Вышеслава была варяжская княжна Олова. Затем следуют Рогнеда и гречанка, мать Святополка. Матерью Всеволода исследователи считают также Рогнеду. Матерью Святослава Иоакимовская летопись называет Малфриду. О ней упоминает и Начальная летопись, говоря, что она умерла в 1002 г. Некоторые споры среди исследователей вызывает определение матери Мстислава, в будущем князя Тмутаракани. Одни считают, что он был третьим, другие – четвертым сыном Рогнеды. Однако Иоакимовская летопись матерью Мстислава и Станислава называет Адель. Не вызывает сомнения, что матерью Бориса и Глеба являлась греческая (некоторые летописи называют

ее болгарской) царевна Анна. Поскольку Борис и Глеб рождены в христианском браке, вероятно, по этой причине Владимир и «любил Бориса больше других». Ничего не говорят летописи о матери Позвизда и Судислава.

После смерти Владимира в 1015 г. судьба его десяти сыновей сложилась по-разному. Летопись повествует, что еще в 1014 г., «когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав не давал этого в Киев отцу своему. И сказал Владимир: «Расчищайте пути и мостите мосты», ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся». Следует думать, что сын перестал платить отцу ежегодную дань, и отец решил его проучить. Но в следующем году Владимир умер, не осуществив задуманного похода. Его смерть завязала интригу которую и по сей день пытаются разрешить многие исследователи. На Руси разгорелась жестокая братоубийственная война.

Русские летописи пишут, что виновником этой войны стал Святополк, который в день смерти Владимира находился в Киеве. Скандинавские саги обвиняют Ярослава. Историк С. М. Соловьев еще в XIX ст. высказал мысль, что Ярослав, при занятии киевского стола кем-либо из братьев, «не хотел быть посадником последнего в Новгороде и потому спешил объявить себя независимым». Оставим в стороне научные споры, а попытаемся восстановить хронологию событий.

Материалы русских летописей позволяют установить, что на начальном этапе борьбы в 1015–1020 гг. в ней принимают участие Святополк, Ярослав, Борис, Глеб, Святослав. Мстислав, князь Тмутаракани, вступит в борьбу с Ярославом позже. Об остальных братьях летописи речи не ведут, что позволяет думать о том, что они были пассивными наблюдателями тех бурных событий.

Обратимся к конкретным фактам, как их освещают русские летописи. «Когда Владимир собрался идти против Ярослава… то разболелся, [но] был у него в это время Борис. Между тем половцы [в это время] пошли походом на Русь». Нам представляется, что слухи о походе половцев исходили от Святополка. «Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день. Умер он на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве». Он и захватил власть в Киеве. Однако особой уверенности он в это время не чувствовал.

С одной стороны, киевлянам известны были его «грехи», за которые при отце он находился в заключении; с другой – отцовская дружина находилась под командованием младшего

брата Бориса. В такой ситуации у Святополка, возможно, и вызрел план устранения с политической арены своих братьев. Летописец сообщает: «Святополк сел в Киеве по смерти отца своего, и созвал киевлян, и стал давать им подарки. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом». Когда Борису и его дружине стало известно о смерти Владимира, то дружина предложила князю: «Вот у тебя отцовская дружина и войско. Пойди, сядь в Киеве на отцовском столе». На это он ответил: «Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет у меня вместо отца». Такой ответ молодого князя не понравился дружинникам, и они ушли от него. Святополк мог бы успокоиться. Сильнейший соперник на это время, он сам признал верховенство старшего брата. Но какие-то «подводные течения» и, возможно, советы тестя, польского короля Болеслава, подталкивали Святополка к более решительным действиям. Летописец, по крайней мере, конкретно указывает на эти действия: «Перебью всех своих братьев и стану один владеть Русскою землею». За короткое время по приказу Святополка умертвили Бориса, затем муромского князя Глеба и древлянского – Святослава.

Ярослав, когда получил – от своей сестры Предславы – известие о смерти отца и гибели братьев, стал готовиться к битве со Святополком.

Война между братьями шла около пяти лет. В ней принимали участие не только русские дружины, а и дружины варягов, населения северо-западных земель Руси, полки польского короля, полчища печенегов. В результате этой войны победу к концу 1019 г. одержал Ярослав, который и утвердился в Киеве. Однако в этом году он не стал еще единовластным правителем. В скором времени Ярославу придется вступить в сражение с младшим братом, тмутараканским князем Мстиславом. В том сражении Ярослав потерпит поражение. Киевскую Русь братья разделят между собой по течению Днепра. И только в 1036 г., после смерти Мстислава, Ярослав станет единовластным правителем Киевской земли.

А где же были другие, младшие братья? О Позвизде говорит только Густынская летопись. Автор указывает, что Владимир дал ему какое-то княжение на Волыни, и все. Станислав получил Смоленск. В братоубийственную войну не вмешивался, умер, предположительно, в 1036 г. Судислав в 1010 г. получил в правление Псковскую землю и находился там до 1036 г. В братоубийственную войну тоже не вмешивался. Однако после смерти Мстислава Тмутараканского Ярослав Мудрый «…всади… брата Судислава в поруб, оклеветан к нему», т. е. Судислава кто-

то оклеветал. Можно предположить, что Ярослав Мудрый испугался новой братоубийственной войны и таким способом устранил своего противника. Судислав просидел в темнице почти 23 года. Лишь в 1059 г. о нем вспомнили племянники – дети Ярослава Мудрого. Они выпустили из тюрьмы своего дядю, совсем дряхлого старика, уже не опасного еще и потому, что у него не было детей. Однако с него на всякий случай взяли клятву, что он не будет отстаивать свои наследственные права. Судислав Владимирович сразу же постригся в монахи в киевском монастыре Св. Георгия, где и скончался в 1063 г.

За семейными делами князь не забывал и о делах государственных. Прежде всего следовало решить вопрос о дальнейшем пребывании в Киеве наемных варягов. От их жестокости и своеволия страдало местное население, поскольку они везде вели себя как завоеватели. Кроме того, за оказанную помощь в захвате Киева они стали требовать от Владимира уплаты дани, заявляя: «Этот город наш, мы его взяли, надлежит нам взять с города окуп по 2 гривны с человека». Но Владимир, боясь, что сбор денег вызовет гнев киевлян, упросил варягов немного подождать. Время шло, но денег не собирали. Варяги поняли, что князь их обманул, и тогда они стали упрашивать его отпустить их на службу в Византию. Владимир с удовольствием согласился отпустить варягов, но не всех. Толковых, храбрых и умных воинов он оставил на Руси, предоставив им в управление ряд городов и сел, а остальных отпустил в Царьград. От себя Владимир послал византийскому кесарю письмо, в котором писал, что идут к нему варяги, и советовал, «чтобы [царь] для их своевольства в городе их не держал, дабы не учинили зла, как они и в Киеве учинили, но разослал их раздельно, и назад не отпускал». Греческий кесарь выполнил просьбу русского князя.

Взамен варяжских дружин князь стал формировать русские полки по городам и всю свою жизнь не расставался со своей дружиной. Летопись указывает на то, что князь любил свою дружину и постоянно с ней советовался: «Каждое воскресенье решил он на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридням, и сотским, и десятским, и лучшим мужам – и при князе и без князя. Бывало там множество мяса – говядины и дичины, – бывало в изобилии всякое яство. Когда же, бывало, подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как

дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны и о законах страны…» Именно эту русскую дружину и начал готовить князь к многочисленным походам. Походы эти почти не прерывались в течение 35 лет правления Владимира. По масштабам и расстояниям предпринимавшиеся походы превосходят аналогичные военные мероприятия всех русских князей того времени.

За скупыми строками летописи скрывается большая работа князя и его окружения по собиранию русских земель. Именно ко времени Владимира относится окончательное подчинение русскому князю племен, живших на восток от великого водного пути. Летописи повествуют, что в свое время Олег наложил дань на радимичей, а Святослав – на вятичей. Однако постоянное отсутствие Святослава в Киеве и междоусобие его сыновей, вероятно, позволило этим племенам обособиться и перестать платить дань Киеву. Неспокойно было и на западной границе. Поэтому Владимир со своими советниками в первые годы киевского правления решают нанести удары по этим территориям. Здесь князь выступает и как воин, и как дипломат, и как дальновидный политик.

Летопись сообщает, что свой первый поход Владимир совершает в 981 г. – на Польшу. «Пошел Владимир на поляков и захватил города их, Перемышль, Червен и другие города, которые и доныне под Русью». В том же году «победил Владимир и вятичей (жителей междуречья Оки и Волги) и возложил на них дань – с каждого плуга, как и отец его брал». Однако вятичи не захотели платить дань Владимиру и стали склонять к союзу против него печенегов. Это заставило Владимира вторично пойти на них, и он вновь одержал победу. После этого вятичи уже не позволяли себе противиться киевскому князю. В 984 г. «пошел Владимир на радимичей (племена, жившие в верхнем течении Днепра)», а перед собой послал воеводу прозванием Волчий Хвост; этот воевода встретил радимичей на реке Пищане и победил их; отчего, прибавляет летописец, «и дразнят русские радимичей, говоря: «Пищанцы волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси, повоз везут и доныне». В результате этих военных походов Киев стал господствовать не только над значительной территорией, но и над важнейшими торговыми путями по Днепру, Волхову, Оке, Верхней Волге, Западной Двине.

Кроме походов на славянские народы Владимир в это время совершает походы и на ближайших соседей. В 983 г. «пошел Владимир против ятвягов (жителей Побужья), и победил ятвягов,

и взял их землю». Однако ятвяги, вероятно, не признавали полной своей зависимости от киевского князя. Их близость к границам соперников Руси – Польши, Чехии, Венгрии – позволяла им иногда проявлять свое стремление к самостоятельности. По крайней мере, летописи сообщают, что и потомки Владимира вели с ними продолжительные войны. Примерно в это же время русские дружины появляются и в Прибалтийских землях. В скандинавских сагах встречается упоминание о том, что один из скандинавских выходцев, находившийся в дружине Владимира, приходил от имени князя собирать дань с жителей Эстонии. Но нельзя точно установить, когда русские впервые наложили эту дань – при Владимире ли, т. е. при Добрыне, или раньше.

Чаще всего походы дружина Владимира совершала против болгар. Однако из летописи иногда бывает трудно определить, против каких – волжских или дунайских. Происхождение болгарского государства на Дунае имеет свою богатую историю. По свидетельству источников, в 70-х годах VII в. на территории Семи славянских племен вторглись из южной Бессарабии протоболгары (кочевая тюркская народность, впервые упоминаемая в IV в.). Во главе государства, получившего название Болгария, стал предводитель протоболгар хан Аспарух (Исперих). Постепенно болгары ассимилировались славянским населением. В X в. на территории Болгарии получили значительное развитие земледелие, ремесло, торговля, культура. Богатство болгарских городов Плиски, Преславы, Средеца, Пловдива, Преславца-на-Дунае привлекали правителей соседних государств, которые организовывали военные походы на эти территории. Как уже упоминалось, именно в Переяславец-на-Дунае желал перенести свою столицу отец Владимира князь Святослав, поскольку там «середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки (ткани), вина, различные плоды, от чехов и угров (венгров) серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Однако Святослав не смог осуществить своего желания. Как уже упоминалось, в битве с византийским императором Цимисхием (972 г.) он потерпел поражение и вынужден был уйти.

Примерно в этот же период шло формирование болгарского государства в Среднем Поволжье и Прикамье. До X в. болгарские племена подчинялись Хазарскому каганату (царству). В 922 г. хан города Болгара (на Волге) Альмас начал объединять болгарские племена. В борьбе с хазарами и внутренними противниками он опирался на поддержку арабов и принял мусульманство. После разгрома Хазарии (965 г.) князем Святославом Игоревичем волжские болгары полностью освободились от подчинения

хазарам. Здесь, как и у болгар на Дунае, развились земледелие, ремесло, торговля. Волжские болгары заняли сердцевину древнейшего Волжского торгового пути, связывающего Восточную Европу с Востоком. Болгары активно торговали с арабским халифатом, Византией и Русью. Города Волжской Болгарии превратились в крупные торговые и ремесленные центры. Болгары вывозили хлеб, меха, рабов, ремесленные изделия; ввозили среднеазиатские, закавказские, русские товары. Вероятно, они препятствовали торговле русских купцов со странами Востока. Кроме того, вооруженные дружины болгарских феодалов совершали грабительские набеги на северо-восточные русские земли. Все это в комплексе и заставляло киевских князей совершать ответные походы на эти государства.

Вероятнее всего, такие походы состоялись против тех и других, но позднейшие летописцы по причине одинакового названия смешали их. Например, в летописи под 987 г. содержится первое известие о походе Владимира против болгар: «Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков (тюркские кочевые племена, южные соседи Руси) привел берегом на конях; и победил болгар». За краткостью сообщения летописи чувствуется серьезная подготовка русских дружин к этому походу, против, как оказывается, Волжской Болгарии.

Подготовка к походу началась ранней весной, как только Днепр и Десна очистились ото льда. У Вышгорода, стоявшего у слияния Десны с Днепром, собралось со всех ближних и дальних рек значительное количество ладей и однодревков. По обе стороны реки выстроились отряды конников, состоящих из торков и, возможно, русских. Наконец, на большом корабле подняли княжеский стяг, и вся флотилия двинулась к устью Десны. По обоим берегам двигалась конница. По Десне предстояло пройти путь длиной около тысячи километров. В Чернигове войско сделало первую остановку. Следующий привал устроили в Новгороде-Северском. Скоро миновали земли радимичей, тянувшиеся вплоть до того самого урочища Девяти дубов, где, согласно легенде, таился свирепый Соловей-разбойник.

Почти тысячекилометровый путь по Десне заканчивался выше впадения в нее Сейма, где она становилась вдвое у́же. Надо было войти в ее приток, называемый Болвой, и по нему проплыть до тех мест, откуда начинался волок к Жиздре и Оке. Через несколько дней по волоку перебросили весь речной флот в Жиздру и вскоре оказались в водах Оки. Быстрые воды этой реки понесли флот к великой Волге. Вскоре войско, миновав земли вятичей и других племен, достигло территории Волжской Болгарии.

Как мы отмечали выше, летопись сообщила, что Владимир победил болгар. Однако не совсем ясно, что же дала эта победа. Обычно об успехе в военных делах судили по количеству захваченных трофеев и всякой другой добычи, а также по числу взятых в плен людей, которых превращали в боярских рабов или холопов, либо продавали на невольничьих рынках. На этот раз все обстояло иначе. Когда Добрыня осмотрел население занятого города (т. е. пленных), то сказал Владимиру: «Осмотрел [я] пленных колодников: все они в сапогах. Эти дани нам не [будут] давать – пойдем, поищем себе лапотников». «И заключил Владимир мир с болгарами, – продолжает летопись, – и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть». И вернулся Владимир в Киев».

Свою версию этого похода еще в XVIII столетии высказал историк В. Н. Татищев. Исследователь считает, что этот поход состоялся против дунайских болгар и сербов, и вызван он был какими-то нарушениями прав русских, находившихся в Болгарии: «Владимир, – пишет В. Н. Татищев, – собрал войско великое и Добрыню, дядю своего, призвал с новгородцами, пошел на болгар и сербов в ладьях по Днепру, а конные войска русских, торков, волынян и червенских послал прямо в землю Болгарскую, объявив им многие их нарушения договоров отца и брата». Владимир, подойдя к границе с болгарами, потребовал платы за нанесенные русским обиды. Но «болгары же, не хотя платить оного [вознаграждения], объединились с сербами против него. Но в жестоком сражении победил Владимир болгар и сербов, захватил земли их. Однако по просьбе их заключил мир с ними и возвратился со славою в Киев, откуп раздал воинам и отпустил их по домам». Что ж, оставим в стороне споры о том, на какую Болгарию ходил Владимир. Для нас важнее другое: Владимир здесь выступил как защитник русских людей, находящихся за границей, и наказал виновных. Интересно и сообщение летописи о том, что дружина Владимира пошла на болгар в ладьях, а торки шли на конях берегом. Из этого видно, что русские предпочитали лодки коням и что конницу в княжеском войске составляли пограничные степные народы. Эта запись летописи позволяет предположить, что русские князья успели наложить дань и привести в зависимость только те славянские и финские племена, которые до сего времени сохраняли патриархальный образ жизни и не были объединены между собой. Таких людей и называли лапотниками. Народы, которые находились на более высокой стадии развития, покорить было гораздо сложнее. Этим и можно объяснить слова, сказанные Добрыней: «Эти нам давать дани не

будут». Под 994 г. летописец вновь кратко записал: «Владимир ходил паки на болгары и много победил их, много земли разорил и возвратился в Киев». Под 1000 г. летописец точно указывает, что Владимир «весною паки, собрал войско, пошел на болгар и, взяв Переяславец, в оном пребывал до тех пор, пока не подписал мир». Как мы помним, в свое время отец Владимира Святослав желал в Переяславец-на-Дунае перенести столицу своего государства. Вслед за этим сообщением летопись вновь сообщает об удачных походах против болгар. Можно предположить, что в данном случае речь идет о волжских болгарах, поскольку в 1006 г. «Прислали болгары [волжские] [на Русь] послов с богатыми дарами, чтобы Владимир позволил им в городах по Волге и Оке торговать без опасения». Владимир дал им «во все города печати, чтобы они везде и всем вольно торговали». Правда, болгарским купцам позволено было продавать свои товары только по городам и только русским купцам. Покупать русские товары они также могли только у русских купцов. «А по селам [болгарам] не ездить, – говорится в документе, – и с княжескими чиновниками [тиунами, вирниками, огнищанами] и смердами [крестьянами] не торговать, и от них ничего не покупать». Одновременно свободу торговой деятельности, без каких бы то ни было ограничений, на территории Болгарии получали русские купцы. Для этого им достаточно было представить печати от княжеских наместников. Кроме того, этот договор позволял русским купцам беспрепятственно пользоваться старинным Волжским торговым путем.

Ко времени Владимира относится и первое столкновение Руси с западными славянскими государствами. На время правления Владимира на Руси припадает могущество Чехии и начинается возвышение польского государства. Польские князья из династии Пястов стремятся расширить свои владения на Западе и Востоке. Однако, стремясь увеличить свои владения на Западе, польские князья столкнулись здесь с интересами немецких императоров, которые также старались расширить свои владения за счет славян, живших по реке Эльбе. Четвертый Пяст, Мечислав, или Мешко, в 60-х годах X в. был вассалом императора и платил ему дань. В 965 г. Мечислав женился на Дубровке, дочери чешского князя Болеслава I, и, уступая ее настойчивости, принял христианство. Однако православная церковь в Чехии в это время приходила в упадок и не могла получить распространения в Польше. Это заставляло польского князя идти на более тесный союз с Западом, с Германской империей, так называемой Священной Римской империей германской нации. В Познани учреждается епископская кафедра для Польши, которая

находилась в подчинении Магдебургского архиепископа. Второй брак Мечислава с Одой, дочерью немецкого маркграфа Дитриха, еще более укрепил немецкое влияние в Польше. Тесная связь польского князя с католической церковью и империей открывала пути для продвижения католичества на Север и Восток, лишала славян северных земель возможности сохранить свою независимость от немецкого влияния. Теперь польский князь в союзе с немцами-католиками начинает наступательные походы против своих, как тогда считали, языческих соплеменников. При Мечиславе начинаются и первые вооруженные столкновения Польши с Русью. Выше мы уже упоминали, что в 981 г. Владимир ходил на Польшу и занял ряд городов. Однако чешские историки утверждают, что города Перемышль, Червен и другие не могли быть отняты у поляков, так как земля Галицкая до Буга и Стрыя к востоку в это время принадлежала чехам. При этом чешские историки ссылаются на грамоту, данную пражскому епископству при ее основании. Грамота восточную границу епископства определяет реками Буг и Стырь «в земле Хорватской». Существует и третья точка зрения, согласно которой Владимир отнял Червенские города не у чехов и не у поляков, а покорил малочисленные до тех пор свободные славянские племена и стал соседом чехов. Нам представляется, что достаточно убедительно этот спор разрешил еще в XIX ст. великий русский историк С. М. Соловьев. Ученый пишет: «Рассуждать таким образом – значит опять не принимать свидетельств нашего летописца, который так же хорошо умеет отличать хорватов от ляхов, как последних от чехов, и прямо говорит, что Владимир ходил к ляхам и у них взял Червенские города. Всего вероятнее, что чешские владения ограничивались областью, лежащей около Кракова, о чем говорит грамота, и не простиралась за Вислою; что страна по Сану и далее на восток была занята хорватами, которые подчинены были уже при Олеге. Но при Игоре, Святославе и преимущественно при его сыновьях имели возможность свергнуть с себя подчиненность, подобно радимичам и вятичам. Мы видим, что сначала главная деятельность Владимира состоит в подчинении тех племен, которые прежде находились в зависимости от Руси. Хорваты были в том числе. Но в то время как Русь вследствие бездеятельности Игоря, далеких походов Святослава на восток и юг, малолетства и усобицы сыновей его теряла племена, жившие вдалеке от Днепра, Польша, при первых Пястах, расширила свои владения. Следовательно, очень вероятно, что Пясты заняли земли хорватов, свергнувших с себя зависимость от Руси, или сами ляхи переменили эту зависимость на зависимость от Польши, и, таким образом, Владимир, возвращая прежнее достояние своих

предшественников, должен был иметь дело уже с ляхами». Между тем завоеванием Червенских городов борьба Руси с Польшей не закончилась. В 992 г. состоялся очередной поход Владимира против хорватов. «Повесть временных лет» об этом походе сообщает скупо: «Пошел Владимир на хорватов». Другие же летописи говорят о том, что в это время Владимир «за многие противности польского князя Мечислава, собрав войска, на него пошел. И нашел его за Вислою, победил так, что едва не все войско и с воеводами побил или в плен взял, и сам Мечислав едва в Краков ушел и, прислав послов с великими дарами, просил о мире. И Владимир, заключив мир, возвратился в Киев». Через полтора года к Владимиру пришли «послы Болеслава польского, Стефана венгерского и Удалрика (Андронника) чешского с любовью и миром, поздравляя его с крещением, и дары многие принесли». Затем более десяти лет летописец не упоминает об отношениях Руси и Польши. Скорее всего на западной границе Руси установилось относительное спокойствие. И это можно, прежде всего, объяснить разгоревшейся в центре Европы борьбой, в которую включились Чехия, германские императоры и Польша.

В 992 г. умирает польский князь Мечислав. У него осталось пятеро сыновей: Болеслав и Владивой от Дубровки Чешской и трое от Оды – Мечислав, Святополк и Болеслав. Польский престол занимает его старший сын Болеслав, прозванный Храбрым. Первым делом Болеслав Храбрый изгнал из страны младших братьев, с которыми, по славянскому обычаю, он должен был владеть государством сообща. Затем по приказу князя ослепили двух других его родственников. Цель – единовластное правление – была достигнута. Болеслав Храбрый начал энергично осуществлять свою завоевательную политику. В течение ближайших пяти лет он завоевал поморян и пруссов, расширив территорию Польши на севере до Балтийского моря. В 999 г., воспользовавшись смертью чешского князя Болеслава II Благочестивого, Болеслав Храбрый напал на Краков и прилегающие к нему земли и также присоединил их к Польше. Возможно, что в это же время Болеслав Храбрый захватил Моравию и земли словаков до Дуная. К Болеславу Храброму в скором времени прибыл из Чехии не сумевший там прижиться католический проповедник Адальберт. Болеслав направил его проповедовать к пруссам, но те умертвили посланца. Как ни странно, но смерть проповедника ускорила появление в Польше самостоятельной епископской кафедры. Император Оттон III, друг и почитатель Адальберта, явился в Гнезно, чтобы поклониться его праху, и основал здесь новое архиепископство, вследствие чего Польша освободилась от зависимости от немецких

церковнослужителей.

Однако борьба польского короля со своими соседями, чехами и немецким императором, проходившая с переменным успехом, не прекращалась. В такой ситуации Болеслав искал мира с Владимиром. Как можно судить по летописи, переговоры о мире начались еще в 992 г. Летописец сообщает: «Владимир ходил к Днестру с двумя епископами. Много людей крестил, и построил в земле Червенской город, который назвал своим именем Владимир, и церковь Пресвятой Богородицы основал, оставил здесь епископа Степана, и возвратился [в Киев]». В этом же году, как уже упоминалось выше, «были у Владимира послы Болеслава польского, Стефана венгерского и Удалрика (Андронника) чешского, с любовью и миром, поздравляя его с крещением, и дары многие принесли». Возможно, заключение мира с этими правителями позволило Владимиру уже в следующем году совершить поход на семиградскую и хорватскую земли. Поход оказался удачным. Владимир «многие победы одержал и возвратился со множеством пленных, богатства, и пришел в Киев со славою великою». Ответных действий со стороны западных соседей не последовало, наоборот, где-то в начале XI в. Болеслав закрепил мир, выдав замуж свою дочь за Святополка, сына Владимира, который княжил в Турове.

Однако этот первый родственный союз русских и польских князей не укрепил их связи, а наоборот, положил начало раздорам. Дело в том, что вместе с дочерью Болеслава к туровскому князю прибыл католический епископ Рейнберн. Епископ сблизился со Святополком и начал, с ведома Болеслава, уговаривать его выступить против Владимира. Конечно, Болеслав такими действиями хотел ослабить своего сильного соперника. Кроме того, переход Святополка, как возможного наследника киевского стола, в католичество открывал пути для религиозного влияния Польши на Русь. Но Владимир, узнав о таких замыслах короля, посадил в темницу Святополка, его жену и Рейнберна. В ответ на действия Владимира польский король заключает союз с германским императором, нанимает у него и у печенегов военные отряды и вторгается в пределы Руси. Отряды наемников разоряют западные территории Руси. Но между поляками и печенегами, возможно из-за дележа добычи, разгорается грандиозная ссора, которая побудила Болеслава приказать уничтожить всех печенегов, находящихся в войске короля. Но и Владимир все-таки вынужден был освободить из заточения пленников.

Новый мир в 1014 г., как и предыдущий, постарались закрепить династическими браками. Летопись сообщает: «Пришли к Владимиру послы Болеслава польского, с ними же

были послы чешские и венгерские, [говорить] о мире и любви». Послы просили выдать замуж за чешского и венгерского королей дочерей Владимира. Князь пообещал им это. Но смерть его в 1015 г. изменила обстановку как на Руси, так и взаимоотношения ее с соседями.

Владимиру, объединившему русские земли, пришлось вести многочисленные войны со своими степными соседями печенегами, которые постоянно угрожали Русской земле. Орды степных кочевников не прочь были поживиться богатствами Киевской Руси. Хорошо известно, что они часто грабили торговые караваны, шедшие по Днепру. В памяти народа сохранилась и трагическая смерть Святослава от рук печенегов, и их союз с Ярополком. Не прекращали печенеги свои набеги на Русь и во времена Владимира. Правда, летопись до 988 г. не говорит нам о таковых, хотя запись под этим годом косвенно указывает на такие набеги. «Но видя Владимир, что около Киева городов для защиты от набегов печенежских мало, повелел строить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне, и по другим. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и от прочих зависимых от него, и ими населил города, поскольку печенеги страну (сторону) эту набегами разоряли. Хотя сами они неоднократно побеждаемы и побиваемы были, но неудобно было с множеством их вождей мир заключить». В 991 г. «Владимир заложил город Белгород (Белгородок) на реке Рупине и дал городу большие доходы, и набрал для него из иных городов, и свел в него много людей, ибо любил город тот». Правда, первые города были сначала не чем иным, как небольшими военными укреплениями. Но они позволяли до некоторой степени задерживать продвижение кочевников. Эти города-укрепления заселялись жителями северных и северо-восточных территорий Русского государства, которые, вероятно, считались лучшими и храбрейшими воинами. Жителей северных земель привлекали сюда особыми льготами. С. М. Соловьев считает, это «самые удалые, которым скучно было сидеть дома без свойственного им занятия, разумеется, привлекались на границу кроме льгот еще надеждою беспрестанной борьбы. Кроме того, жителям бедного севера лестно было переселиться на житье в благословенные края».

Однако строительство городов и крепостей по южному периметру государства не остановило печенежских набегов. В 992 г. не успел Владимир возвратиться из военного похода против хорватов, как, повествует летопись, «пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода». Противники долгое время

стояли каждый на своей стороне, не решаясь перейти через реку на сторону противника. Тогда печенежский князь предложил Владимиру: «Выпусти ты своего мужа, а я своего – пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». Предложение печенежского князя было заманчивое, и Владимир согласился. В случае успеха сохранялась дружина и мирная жизнь в течение трех лет. Владимир возвратился в стан своей дружины и послал бирючей (так называли глашатая, объявлявшего волю князя) искать среди дружинников, «нет ли кого, кто б взялся биться с печенегом?» Но такого в стане дружины киевского князя не нашлось. На другой день приехали печенеги и привезли своего бойца, а с русской стороны никого не было. Владимир опечалился и вновь послал бирючей по своему стану. Тогда пришел к князю один старик и сказал: «Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще наземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Князь обрадовался, послал за силачом и, когда тот пришел, рассказал ему, в чем дело. Юноша отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, – испытай меня: нет ли большого и сильного быка?» Быка нашли быстро, а разъярить его не представляло большого труда. Нашли железный прут, раскалили его на костре, а затем опустили прут на спину быка. Когда бык бежал мимо силача, тот схватил его рукою за бок и, сколько мог захватить, вырвал кожу с мясом. Владимир, увидя силу юноши, сказал, что тот может бороться с печенегом. На другой день пришли печенеги и стали вызывать: «Где же ваш боец, а наш готов!» Владимир, не надеясь на слово, данное печенежским князем, приказал приготовиться к поединку не только юноше, но и всей дружине. Далее летописец рассказывает: «Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег, и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали». Владимир в честь этой победы заложил на этом месте город, который назвал Переяславлем, потому что борец русский перенял славу у печенежского борца. Владимир одарил богатыми подарками богатыря и вместе с отцом возвел его в знатные мужи. «И возвратился Владимир в Киев, – с гордостью заявляет летописец, – с победою и со славою великою».

Прошло три года, и печенеги, как и обещали, пришли к Василёву (ныне г. Васильков). Владимир вышел против них с малой дружиной. Силы оказались неравными. Дружина не выдержала натиска печенегов и побежала с поля боя. Владимир спрятался от врагов под мостом и пообещал в случае своего спасения «поставить церковь во имя Святого Преображения, ибо было в тот день, когда произошла та сеча, Преображение Господне». Победа у Василёва, вероятно, не удовлетворила печенегов. Их орды появляются под стенами то одного, то другого города. Натиск был настолько силен, что Владимир в 997 г. вынужден был пойти «за северными воинами против печенегов, так как была в это время беспрерывная великая война», – записал летописец. Печенеги, воспользовавшись отсутствием князя в столице, пришли и окружили город Белгород. «И не давали выйти из города, – сообщает летописец, – и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод». Белгородцы оказались в критическом положении. Они собрались на вече: «Нам приходится помирать с голоду, а от князя помощи нет; что ж, разве лучше нам помирать? Сдадимся печенегам: кого убьют, а кого и в живых оставят; все равно умираем же с голода». На том и порешили. Но на этом собрании не было одного старика. Он, узнав о том, что собиралось вече, спросил, по какому вопросу. Ему сказали, что на другой день люди хотят сдаться печенегам. Это возмутило старика, и он послал за городскими старейшинами, спросив у них: «Что это я слышал, вы хотите передаться печенегам?» Те отвечали: «Что ж делать, не стерпят люди голода». Тогда старик сказал им: «Послушайтесь меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я велю». Старейшины с радостью обещали слушаться, и он им сказал: «Соберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей». Приказание старика вскорости было выполнено. Затем старик велел женщинам сделать кисельный раствор, выкопать колодец вставить туда кадку и вылить кисель в нее. Рядом, по приказу старика, выкопали второй колодец, и вставили другую кадку В нее вылили приготовленную сладкую сыту (медовый вар, приготовленный на воде). Когда все это было сделано, старик велел послать за печенегами. На другой день представители горожан пошли к печенегам и сказали им: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе». Печенеги с радостью приняли это предложение, думая, что горожане желают сдаться, выбрали своих знатных людей и направили их в город. Когда они пришли в город, то люди сказали им: «Зачем вы себя

губите, можно ли вам перестоять нас? Хотя десять лет стойте, так ничего нам не сделаете, потому что у нас корм от земли идет, не верите – смотрите своими глазами». Затем привели их к одному колодцу, почерпнули раствору, сварили кисель; пришли с ними к другому, почерпнули сыты и стали есть прежде сами, а потом дали отведать и печенегам. Те удивились и сказали: «Не поверят наши князья, если сами не отведают». Горожане налили корчагу раствора и сыты и дали печенегам. Те, возвратясь в свой стан, обо всем рассказали своим князьям. Печенежские князья сварили кисель, отведали, подивились, обменялись заложниками, затем отступили от города, и пошли домой.

Упоминает летописец и о дальнейших столкновениях Владимира с печенегами. Причем здесь мы встречаемся с именами воевод, которые позже войдут во многие русские былины. В 1000 г., когда Владимир находился в Переяславце-на-Дунае, «тогда Володарь (возможно, один из польских князей), изменник, привел к Киеву печенегов многое число, и обложил Киев, забыв благодеяния господина своего». Этот поход оказался для киевлян полной неожиданностью и вызвал огромное смятение в городе. Но один из киевских воевод, которого прозывали Александром Поповичем, ночью вывел войска за стены города и внезапно напал на противника. Русские побили много печенегов, убили Володаря и его брата. «Владимир же, – пишет летописец, – возвратившись в Киев, возложил на Александра золотую гривну и возвел его в вельможи своего двора». В следующем году уже сам Владимир «послал на печенегов Александра Поповича и Яна Усмовича, который убил сильного печенега у Переяславля». Дружина нанесла серьезное поражение печенегам. Летопись сообщает: «Множество их [печенегов] побили и взяли в плен, и князя их Родомана с тремя сыновьями в Киев к Владимиру привели». В честь этой победы в Киеве был устроен грандиозный пир.

В 1004 г. печенеги вновь пришли на Русь и обложили город Белгород. Владимир на выручку белгородцам послал дружину во главе с прославившимися в предыдущем сражении Александром Поповичем и Яном Усмовичем. Печенеги, узнав, что против них русские дружины ведут прославленные воеводы, сняли осаду и ушли в степи.

Об отношениях Владимира с печенегами упоминает и немецкий миссионер Брун, бывший у печенегов в 1007 г. «Мы направили путь к жесточайшим из всех язычников, печенегам, – пишет Брун. – Князь руссов, имеющий обширные владения и большие богатства, удерживал меня месяц, стараясь убедить, чтоб я не шел к такому дикому народу, среди которого я не мог

снискать душ Господу, но только умереть самым постыдным образом. Не могли убедить меня; он пошел провожать меня до границ, которые он оградил от кочевников самым крупным частоколом на очень большое пространство. Когда мы вышли за ворота, князь послал старшину своего к нам с такими словами: «Я довел тебя до места, где кончается моя земля, начинается неприятельская. Ради Бога прошу тебя не погубить, к моему бесчестию, жизнь свою понапрасну. Знаю, завтра, прежде третьего часа, без пользы, без причины вкусишь ты горькую смерть»». Брун пять месяцев пробыл у печенегов. Здесь он едва не погиб, но успел крестить 30 человек и склонить печенежскую знать к миру с Русью. Брун по прибытии в Киев сообщил Владимиру эту радостную весть. Князь, со своей стороны, соглашаясь на мир, направил к печенегам, в качестве заложника, своего сына (вероятно, Святополка) с епископом, которого возвел в сан Брун.

Последний раз, как можно судить из сообщения летописи, известие о приходе печенегов на Русь пришло во время серьезной болезни Владимира в 1015 г. «И слыша, что печенеги идут на Русь, послал [Владимир] против них сына своего [Бориса]. И вскоре за этим 15 июля на Берестове скончался». Возможно, слухи о приходе печенегов распускали сторонники Святополка, поскольку русская дружина их не обнаружила. Владимир был тяжело болен, и при нем находился его любимый Борис, один из младших сыновей. Ему-то и планировал Владимир передать Киевский стол, минуя старших сыновей. Святополку, который в это время приехал в Киев, необходимо было удалить из столицы главного соперника.

Интересно, что летопись, почти совершенно не упоминает о действиях Владимира на северо-западном направлении. Лишь один раз под 997 г. летописец записал: «Владимир, не ожидая от печенег нападения, решил идти на чудь, и их покорить». В поход он, кроме своей дружины, взяв воинов смоленской и полоцкой земли, двинулся к Новгороду. Можно предположить, что до этого времени был жив наставник Владимира Добрыня, которого князь еще в 980 г. отправил наместником в Новгород. И Добрыня держал соседние племена в покорности. Но Добрыня к этому времени, вероятно, умер, и племена чуди решили обособиться. Это и стало предлогом для похода Владимира. Далее летописец пишет: «Владимир, покорив чудь, возвратился в Киев, а в Новгороде оставил (в качестве наместника) сына своего Вышеслава».

Обезопасив себя с северо-запада и с северо-востока, Владимир мог уделить внимание югу. В 987 г. Владимир был втянут в орбиту византийской политики (как за двадцать лет

перед тем Святослав). Византийское правительство искало помощи князя Владимира, чтобы справиться с восстанием части своих войск во главе со стратигом (военачальником) Вардой Фокою. По договору Владимиру была обещана рука греческой царевны Анны, но при условии, что сам Владимир примет христианство. Владимир исполнил свои военные обязательства; мятеж Варды Фоки был подавлен, и сам Варда Фока убит. После победы в Царьграде не были, однако, расположены исполнять обещания, данные Владимиру. Тогда Владимир начал войну с греками. Но об этом чуть ниже.

«И поставил кумиры на холме»

Владимир Святославич, захватив в 980 г. Киев, начал княжить в Русской земле единолично. Его первым важнейшим мероприятием (ряд исследователей считает это реформой) стала унификация языческой религии. Понятие «язычество» происходит от слова «языки», «народы». Сколько языков, сколько народов, столько и богов. Славянское язычество возникло в глубокой древности. Славяне приносили жертвы «упырям и берегыням», затем – Роду и Рожаницам. В этих верованиях отразилось первобытное представление людей о том, что в окружающем их мире действуют злые и добрые духи. Эти духи находились в состоянии непрерывной борьбы друг с другом. К злым духам славяне относили «упырей» – вампиров, якобы нападающих на людей и сосущих их кровь, оживающих мертвецов, которые были в состоянии перевоплотиться во взрослого человека, в ребенка, в животное и нанести живому серьезный ущерб. «Упырям» противостояли добрые духи – «берегыни», которые охраняли жизнь и покой человека, плоды его деятельности. Славяне поклонялись и приносили жертвы колодцам, озерам, рекам, рощам и т. д. Леса и водные пространства ими почитались как священные, дающие пищу и воду. Славяне, например, верили в очистительную силу воды. На воде гадали: зимой девушки ходили к проруби, пытаясь увидеть в воде отражение лица жениха.

Род и Рожаницы представлялись нашим далеким предкам божествами плодородия. Славяне Рода считали творцом Вселенной. Он давал людям жизнь, повелевал небом, распоряжался дождем, посылал на землю молнии, управлял подземным царством. Вместе с Родом обычно выступают Рожаницы – богини плодородия. Их день – 9 сентября – отмечался каждый год после завершения сельскохозяйственных работ. На смену Роду пришли другие боги. Небом завладел Сварог, которого стали считать верховным властителем Вселенной. Бог Ярило стал олицетворять собой весну, пробуждающуюся от зимней спячки природу. Считалось, что там, где Ярило проедет на своем белом коне, вырастет богатый урожай. Праздник Ярилы у некоторых народов отмечался в начале весны, у других – в конце весны, начале лета.

Праздник Купалы приходился на 7 июля и посвящался благотворному действию дождя. Празднику предшествовали «русалии» – торжества, посвященные нимфам полей и вод. По славянским поверьям, русалки вызывали дождь, который поил

землю. Славяне сопровождали этот праздник красочными действами. Людей обливали водой, девушек бросали в реку. Накануне праздника на высотах зажигали костры, через которые прыгали вместе юноша и девушка. Затем спускали с гор горящие колеса, стремясь, чтобы они потухли только тогда, когда достигнут воды.

Не меньшее почитание у славян имел бог Волос (Велес), покровитель скота и скотоводства. В X в. именем Волоса клялись русские князья, их дружинники и послы при заключении мирных договоров с византийскими монархами. К празднику Волоса, который отмечался 6 января, выпекалось особое печенье в виде домашних животных. Люди рядились в звериные маски, надевали на себя вывороченные тулупы.

Господином неба, которому подчиняется вся Вселенная, славяне считали Сварога. Сыном Сварога был Сварожич – бог огня, покровитель кузнецов и кузнечного дела. Славяне почитали огонь, считая, что он прогоняет нечистую силу, тьму, мрак, холод. Огню приписывались очистительные и целебные свойства. По народным поверьям, огонь прогонял демонов болезней.

Перечень славянских языческих божеств можно продолжать и дальше. Однако пора вернуться к мероприятию Владимира, который «поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь». Когда читатель ознакомится с перечнем божеств, у него может возникнуть естественный вопрос: «Почему эти, а не почитаемые большинством населения?» Убедительный ответ на такой вопрос дал, как нам представляется, исследователь истории церкви О. М. Рапов: «По-видимому, потому что языческий пантеон Владимира был предназначен для моления не простых людей, а для киевской знати, проживавшей на Горе, недалеко от княжеского дворца, и предпочитавшей поклоняться иным языческим богам». Кроме этого, не следует забывать, что значительную часть дружины Владимира при его вступлении в Киев составляли варяги. С этим приходилось считаться. Владимир поступил, как его отец в свое время. На предложение Ольги креститься Святослав ответил: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться».

Вместе с тем не следует думать, что славяне об этих божествах не знали. Например, летописец, говоря о подписании в 944 г. мира Руси с греками, подчеркивает: «Пришли [Игорь с послами] на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое, и щиты, и золото и присягали Игорь и люди его…». Перун считался повелителем грома и молний. Он был вооружен огромной

палицей и луком-радугой. Эти грозные орудия служили Перуну для борьбы со злыми демонами-великанами, повелителями туч и земных туманов. Своей палицей и стрелами-молниями Перун рассеивал тучи, оплодотворял землю дождями, выводил солнце из туч. Дожди пробуждали природу. Перун считался покровителем дружинников и вообще военного дела. В договоре 944 г. князя Игоря с Византией прямо говорится, что в случае его нарушения «князем или из людей русских» он будет «достоин умереть от своего оружия и да будет проклят от бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву». Праздник Перуна отмечался ежегодно 20 июля. В этот день ему приносили кровавые жертвы. Иногда это был бык, иногда петух – птица, посвященная богу-громовику, символизировавшая собой счастье и плодородие, а случалось, и люди. В христианское время почитание Перуна заменили почитанием пророка Ильи, ездящего по небу в огненной колеснице.

Следом за Перуном летописец поставил Хорса. Но большинство исследователей считает, что это место должен занимать Дажьбог, один из сыновей (по некоторым версиям это дочь) Сварога. Дажьбог олицетворял собой солнце. Славяне верили, что Дажьбог живет далеко на востоке, где находится страна вечного лета. Каждое утро он выезжает на своей светозарной колеснице из золотого дворца и совершает круговой объезд по небу. В его колесницу впряжены белые огнедышащие кони. Появлению на небе Дажьбога предшествует появление его сестры – Утренней Зари, которая выводит на небосклон его белых коней; другая сестра – Вечерняя Заря заводит коней на конюшню после того, как бог закончит свой объезд. Славяне полагали, что осенью Дажьбог умирает, а 24 декабря рождается новый, молодой. Хорс же представлялся белым конем, совершающим свой бег над землей с востока на запад. Это позволяет некоторым исследователям считать, что Хорс олицетворяет месяц. Славяне верили, что кони связывают небо и землю, богов и людей. У многих племен конь считался священным животным.

Стрибог считался богом ветра, урагана и вообще всякой непогоды. Ему поклонялись земледельцы, моряки, путники. Все они просили Стрибога не насылать на них каких бы то ни было бедствий.

А вот появление в пантеоне Владимира Симаргла и Макоши объяснить трудно. По мнению историка Б. А. Рыбакова, Симарлг (или Семаргл) – «это священный крылатый пес, охраняющий семена и посевы», олицетворение «вооруженного добра». Богиня Мокошь (Макошь) являлась покровительницей женщин и женского рукоделья. В более поздние христианские времена ее

стали называть Параскевой-Пятницей. Мокошь Пятница предстает в народных поверьях как богиня-пряха и покровительница торговли.

Вероятно, аналогичные пантеоны, с некоторыми вариациями, создавались и в других городах Киевской Руси. По крайней мере, по прибытии в Новгород, Добрыня «поставил кумира [Перуна] над рекою Волховом». Летописец-христианин это решение Владимира осуждает, говоря: «И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернялась кровью земля Русская и холм тот».

По дальнейшим рассказам, содержащимся в летописях, можно предположить, что не все население, по крайней мере Киева, совершало религиозные обряды в этом пантеоне. В Киеве еще со времен Игоря жили христиане. Между ними и язычниками частенько происходили столкновения. Возможно, такие столкновения летописец объединил в один рассказ, изложенный под 983 г.: «Пошел Владимир против ятвягов, и победил ятвягов, и взял их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам». Далее летопись повествует, что жребий пал на двор варяга-христианина: «И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий». Решили бояре и пошли за жертвой. «И посланные к нему, придя, сказали: "На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, чтобы мы принесли жертву богам"». На такие требования пришедших, варяг отец ответил: «Не боги это, а простое дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны человеческими руками из дерева. Не дам сына своего!..» Тогда фанатичная толпа кинулась громить двор варяга, продолжая требовать: «Дай сына своего, да принесем его богам». Но отец твердо стоял на своем: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?» Но толпа оставалась неумолимой, разгромила двор и убила отца с сыном. С горечью заканчивает летописец свой рассказ: «Ведь были тогда люди невежды и нехристи. Дьявол же радовался тому, не зная, что близка уже его погибель». И действительно, гибель язычества неумолимо приближалась, чему во многом способствовало усиление власти Владимира в русских землях.

Во время военных походов на соседей, в ходе которых к Руси были присоединены новые земли, Владимир показал себя талантливым полководцем. Подавление восстаний вятичей и радимичей свидетельствовало о том, что великокняжеские войска

могут заставить покоренные народы подчиняться киевскому властелину. Однако не было никаких гарантий того, что в дальнейшем покоренные народы не будут выступать с оружием в руках против киевского князя, его бояр, мужей и дружинников. Языческая религия, которую они исповедовали, постоянно толкала их на борьбу с завоевателями. Восстания вятичей и радимичей показали, что язычество не только не является опорой великокняжеской власти, но, напротив, сильно мешает утверждению в стране отношений господства и подчинения. Жизнь настоятельно требовала замены устаревшей идеологии другой, соответствующей новым условиям.

Господство в стране языческой идеологии также продолжало пагубно отражаться на росте народонаселения Руси, на международной торговле. Оно не давало возможности решить проблему привлечения иностранных специалистов в различных отраслях знаний, исключало династические браки с соседними императорскими, королевскими и княжескими домами, уже принявшими единобожие, мешало заключению международных договоров и союзов. Языческое жречество по-прежнему оставалось на Руси серьезной самостоятельной силой и в своей политике часто руководствовалось корыстными интересами. Всего этого, конечно, не мог не осознавать князь Владимир.

«Узнал я истинного Бога»

К концу X в. стало ясно, что поклонение языческим богам не отвечает потребностям времени. Как писал летописец, стали приносить им жертвы и «осквернился холм тот». Но проблема была гораздо серьезнее.

Русь в этот период оказалась между Западом и Востоком. В соседних странах уже утвердилось единобожие религии: мусульманство, иудаизм, христианство. Люди, исповедующие ту или иную из этих религий, проживали и на Руси. Влияние их на внутреннюю жизнь государства неизбежно должно было сказаться.

Принятие той или иной веры неизбежно определяло собою дальнейшую культурно-политическую жизнь Руси. Принятие мусульманства всецело вводило бы Русь в круг арабской культуры, то есть культуры азиатско-египетской. Принятие христианства из Рима, от «немцев», сделало бы Русь страною латинско-европейской. Наоборот, принятие как иудейства, так и православия обеспечивало Руси культурную самостоятельность, особое положение между Европой и Азией.

Политические доводы могли быть приведены как в пользу иудаизма, так и православия. За иудаизм могли быть приведены те же доводы, которые побудили, в свое время, хазарского кагана обратиться в иудаизм: речь шла о стремлении сохранить свою церковно-политическую независимость от сильнейших церквей и государств Восточного Средиземноморья. За православие могли быть приведены доводы другого рода – поставлены на первый план выгоды культурного сближения с Византией, с которой связывали и торговые отношения.

Помимо каких бы то ни было политических расчетов, вопрос о вере, конечно, должен был быть определен и внутренними психологическими стремлениями. Ведь возник вопрос о новой вере вследствие внутренней психологической недостаточности старой веры – русско-славянского язычества. К тому же среди русско-славянского общества Киевской Руси того времени уже было довольно много православных, принявших веру от Византии. Еще патриарх Фотий (IX в.) говорил о том, что руссы «променяли еллинское (языческое) и нечестивое учение, которое содержали прежде, на чистую и неподдельную веру христианскую… И до такой степени разгорелось у них желание и ревность веры, что они приняли епископа и пастыря». Из договора Игоря с греками видно, что среди русских были как крещеные, так и не крещеные. Одни клялись [соблюдать договор] честным

крестом, другие – оружием. Вдова Игоря Ольга, как мы помним, крестилась, но не сделала крещение обязательным для всей Руси. При Святославе наступил некоторый рецидив язычества. То же было, вероятно, в начале княжения Владимира, хотя он и воспитывался своей бабкой, вероятно, в христианских традициях.

Владимир при выборе веры показал себя мудрым, дальновидным политиком. Он, скажем так, «не бросился головой в омут», а потратил несколько лет, чтобы все хорошенько «взвесить» и принять единственно правильное решение. Именно об этом и говорят русские летописи, начиная рассказ о посещении Руси в 986 г. различными религиозными миссиями.

Летопись сообщает, что первыми пришли на Русь болгары-мусульмане, представители Волжской Болгарии, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». Естественно, Владимир поинтересовался, что это за вера? Послы ответили, что они веруют в Магомета, который учит их: «совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти можно творить блуд с женами». Как говорит летописец, князю весьма понравился мусульманский обычай иметь много жен. Однако такой обряд как обрезание, а также отказ от употребления свинины и вина не пришлись по вкусу Владимиру, и он заявил послам: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть». Действительно, слишком многим следовало бы пожертвовать, насаждая эту религию на Руси.

Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой», и стали уговаривать Владимира принять католичество. Князь их выслушал, а затем сказал: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Краткая запись летописи о приходе немцев и переговорах, вероятно, объясняется общим единством христианской религии. Но за этой краткостью скрывается хорошая осведомленность Руси о положении в Западной Европе в целом, и католической церкви в частности.

В конце IX в. происходит раздробление Папской области, и римские епископы начинают терять свои позиции. К середине X в. они превращаются в ставленников германских императоров, которые через их посредство диктуют свою волю другим странам и народам. Принятие католичества, таким образом, значило бы, что Русь попала бы под сильное влияние Германской (Священной Римской) империи; была бы вовлечена в сферу германской политики, должна была бы допустить проникновение на Русь вначале немецкого духовенства, а затем и немецкого рыцарства; насаждение в стране латыни; выплату ежегодных дотаций Риму. Все это, несомненно, хорошо понимал Владимир, и это не могло его устраивать.

Затем пришли евреи из Хазарии и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраама, Исаака и Иакова». Надо понимать, что обрядовая практика иудеев не удовлетворила князя, и он задал очередной вопрос: «А где земля ваша?» На что иудее ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Владимир и здесь нашел оригинальный ответ: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Последним к Владимиру пришел греческий философ, посланник Византии. Философ произнес пространную речь, в которой подверг критике религии предыдущих послов и воздал должное своей, православной вере, завершив речь словами: «Установил же Бог и день единый, в который, сойдя с небес, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его: праведникам – царство небесное, красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же – мучение огненное, червь неусыпающий и мука без конца. Таковы будут мучения тем, кто не верит Богу нашему Иисусу Христу: будут мучиться в огне те, кто не крестится». Философ подтвердил свои слова и наглядным примером. Он показал князю занавеску, на которой были изображены сцены из Страшного суда. Праведники весело шли в рай, а грешники – с печалью в ад. Летописец, завершая свое повествование, пишет: «Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». Философ же сказал: «Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись». Но Владимир ответил: «Подожду еще немного», желая разузнать о всех верах».

Теперь Владимир решил не только послушать рассказы послов о той или иной вере, а узнать мнение своих бояр и старцев, какую религию следует принять Руси. Бояре и старцы, как пишет летописец, сказали князю: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь в самом деле разузнать, то ведь имеешь у себя мужей; послав их, разузнай, какая у них служба и кто как служит богу». Владимир Святославич отобрал 10 мужей и послал их вначале к болгарам-мусульманам, затем к немцам-католикам, а затем в Царьград к грекам. Ознакомившись с ведением службы у различных народов, мужи возвратились назад в Киев и заявили Владимиру и его боярам: «Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сидят и глядят туда и сюда,

как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». После таких слов сказали бояре Владимиру: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его твоя бабка Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». После таких слов Владимир твердо решил принимать христианство греческого образца. Но вставал вопрос: где и когда?

Под 988 г. летописец записал: «Когда прошел год, пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий». И здесь возникает естественный вопрос: зачем Владимиру, знавшему из рассказов своих послов о великолепии церковной службы в православных храмах, идти войной на греков, чтобы принять их религию? Нам ведь известно и то, что греки сами проявляли огромную заинтересованность в принятии Русью христианства греческого образца.

Раздумья Владимира в течение трех лет о выборе веры, а затем военный поход на греческий город позволяют нам предположить, что князь не только хотел ввести единую религию на территории государства, но и получить определенные политические выгоды как внутри государства, так и за его пределами.

Христианская православная церковь в X в. была раздроблена на ряд патриаршеств и митрополий. Однако все церковные иерархи находились в подчинении у византийских императоров, за которыми церковные соборы признали первенствующее положение в церковной иерархии и присвоили им чин «императоров-архиереев». Византийские василевсы поэтому могли назначать и смещать высших церковных сановников, определять участников соборов, утверждать решения этих соборов. Восточная православная церковь, как и Западная, стремилась к распространению своего влияния на нехристианские народы. Русь была для любой церкви «лакомым кусочком». Следовательно, принятие христианства от Византии неминуемо должно было привести к тому, что русские великие князья попали бы в вассальную зависимость от византийских императоров, которые через церковную организацию стали бы

навязывать Руси свою волю. Естественно, православный вариант в таком виде не мог удовлетворить князя Владимира. Ему и его окружению нужна была такая церковь, которая бы полностью зависела от них и была бы проводником их собственной политики. В свое время таких отношений с Византией достигла Болгария. Опыт Болгарии и решил использовать Владимир. Ему, чтобы получить православную церковную организацию, независимую от Византии, необходимо было стать вровень с византийскими императорами, как это удалось сделать болгарским царям. Владимиру предстояло одержать убедительную победу над Византией и породниться с византийскими правителями.

Совершить поход на Корсунь у Владимира была и еще одна причина. И о ней мы уже упоминали выше. Правда, об этом умалчивают все русские летописи, но зато подробно говорят византийские и западноевропейские авторы.

Итак, вернемся еще раз к истории сватовства Владимира к греческой царевне Анне. Из византийских и западноевропейских документов мы узнаем, что в 987 г. в Киев нагрянуло великое греческое посольство с богатыми дарами и посланием от императора Василия II, в котором он слезно молил «царя руссов» оказать ему срочную военную помощь в подавлении восстания малоазийского сатрапа Варды Фоки, угрожавшего сместить Василия с престола. За эту услугу император обещал пойти на любые условия и уступки вплоть до признания Владимира «великим царем руссов», если только тот примет крещение.

И вот тут-то скорее всего в княжеском окружении возникла идея женитьбы Владимира на греческой царевне Анне, объявленной сестрой самого императора. Все выгоды такого брака были, что называется, налицо: Владимир становился шурином Василия II и мог, как равный ему, управлять не только своим государством, но и новой государственной церковью. Немалые преимущества мог он получить и в торговле со всем Причерноморьем, закрепившись на Азове, в Крыму и на Дунае. Русские изложили греческим послам свои требования. И тем ничего не оставалось, как проинформировать обо всем самого императора. Можно лишь удивляться тому, как скоро из Константинополя был получен положительный ответ. Владимир же, не медля ни дня, сформировал шеститысячный корпус и отправил его к Черному морю по Днепру, с ним же в Царьград отбыло и греческое посольство.

Вся зима 988 г. прошла в ожидании вестей из Константинополя. Наконец пришло известие о том, что войска Варды Фоки разгромлены и русские воины, сыгравшие в этом

решающую роль, возвращаются домой. Империя и император были спасены, но о выполнении обещаний в Константинополе и не думали. Еще ранее было условлено, что Анна должна прибыть в Киев до начала лета того же года. Владимир, чтобы обезопасить ее путь от нападения печенегов, с дружиной отправляется к ней навстречу. Но принцесса так и не появилась.

Владимир, удостоверившись еще раз в лицемерии византийского императора, возвращается в Киев и объявляет о своем желании идти походом на Корсунь.

Корсунь со времени ее основания греческими колонистами в V веке до н. э. (греки называли колонию Херсонес), являлась полисом-крепостью, защищенным со всех сторон мощными оборонительными сооружениями. Стены крепости были сложены из каменных блоков, толщина которых достигала трех метров, к тому же город имел сложную систему земляных и каменных оборонительных поясов, пробиться сквозь которые без наличия мощных стенобитных орудий было просто невозможно. Эти стены выдержали не один приступ вражеских полчищ на протяжении многих предшествующих веков. Многонациональное население города все это время защищало свои порядки и свободы. В этом богатом торговом порту издавна селились мореходы, торговцы и ремесленники из многих земель, в том числе и из Поднепровья. Как всякий торговый морской полис, Корсунь превыше всего ценила свою свободу и независимость от какой бы то ни было деспотии. Ее правители (архонты) издавна избирались всем населением и присягали на верность своему городу, произнося клятву: «Не предам Херсонес!».

Императорам приходилось считаться с таким положением города, так как его потеря нанесла бы серьезный удар и по экономике империи. Корсунь, занимая ключевое географическое положение, располагаясь на Крымском полуострове (р-н современного Севастополя) недалеко от устья Днепра, являлся важным, связывающим многие районы, торговым центром. Через Корсунь империя получала жизненно важные продукты, поставляемые из Руси: хлеб, рыбу, мед, воск. Поступали сюда и рабы. Тот, кто владел крепостью, обладал и мощным средством воздействия на стратегическую обстановку в обширном районе.

Кроме того, с незапамятных времен город являлся своеобразным плацдармом распространения христианской религии среди языческих народов. Именно отсюда, по свидетельству летописи, апостол Андрей «проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли эти горы? На этих

горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев…» Сюда римляне в первые века новой эры ссылали многих христиан. Например, в годы правления Траяна здесь отбывал заключение римский епископ святой Климент, работавший как простой раб в местных каменоломнях. В IX в. в городе возникли и первые русские церковные общины и церкви. Отсюда же пришли на Русь и миссионеры-христиане. Все это учитывал киевский князь, нанося удар по Корсуни.

Поход в Крым тщательно спланировали, учтя опыт многочисленных предыдущих походов. Многотысячное войско (по некоторым подсчетам около 30 тысяч) на ладьях и конях двинулось к своей цели. Однако на этот раз ему предстояло нечто новое – атаковать и захватить с моря и суши крепость, считавшуюся неприступной. Владимиру стало известно, что в Херсонесской бухте находится значительное число греческих боевых кораблей, охранявших подступы к крепости с моря. Это заставило князя высадить часть своего войска на берегу, чтобы атаковать крепость не только с моря, но и с суши. «И затворились корсуняне в городе», – повествует летописец. Началась длительная осада города. Однако гарнизон крепости оборонялся стойко. Смелость гарнизону придавало и то, что в городе имелись продовольственные запасы, по специальным трубопроводам поступала питьевая вода.

Владимир же упорно шел к своей цели, заявив жителям города: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Но стоять на палящем южном солнце становилось все труднее. Тогда Владимир приказал своим воинам делать земляную насыпь к крепостным стенам. Однако корсуняне оказались смышленее. Они сделали подкоп под стеной и через него перенесли всю насыпанную землю в город. И так продолжалось не один день.

И вот однажды, пишет летописец, «Некий муж, корсунянин, именем Анастас (вероятно, церковнослужитель, ранее бывавший в Киеве, где встречался с Владимиром), пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир прочитал записку и приказал воинам перекрыть воду. Сам же, как сообщает летопись, «посмотрел на небо и сказал: "Если сбудется это, – крещусь!"» Отсутствие воды в городе вызвало смятение и страдания народа. Население сдалось, и князь вошел в город. В городе князь не разрешил дружине заниматься грабежами и убийствами, что было в традициях средневековья. Священники же

благодарили Бога за сохранение жизней и за то, что победитель оказался добрым и милостивым, чего здесь никогда не бывало.

Владимир, окрыленный победой, посылает гонца с письмом к византийским императорам Василию и Константину, в котором говорится: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». На это письмо императоры, как и раньше, заявили: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников». Тогда князь заявил послам: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и люба мне вера ваша и богослужение, о котором рассказывали мне посланные нами мужи». И снова ответ из Константинополя: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Но Владимир стоит на своем: «Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня». Можно предположить, что пока шли препирательства, в Корсунь стали приезжать представители различных стран. Одни, чтобы обсудить торговые дела, другие – чтобы склонить Владимира к принятию иной, не православной веры. Сюда пожаловали посланцы Болеслава Польского, Стефана Угорского, Андриха Чешского, императора германского Оттона III и Папы Римского Сильвестра II. Возможно, такое солидное представительство западноевропейских государств в Корсуни подтолкнуло византийских императоров к принятию решения: заключить мир и отправить Анну к Владимиру. Анна, конечно, сопротивлялась и не хотела покидать своих близких, уезжать в неизвестную ей страну. «Иду, как в полон, – заявляла она, – лучше бы мне здесь умереть». Братья, уже в который раз, начинали уговаривать сестру: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь?» А сколько бы зла причинила Византии коалиция Руси и западноевропейских государств? Понимая это, император и весь его двор все же принудили Анну отправиться в Корсунь (Херсонес). «Она же села в корабль, – сообщает летописец, – попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По Божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего, и скорбел сильно, и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудешь недуга своего». Владимир, услышав это, повелел крестить себя. «Епископ же корсунский, – продолжает летописец, – с царицыными попами, огласив, крестил

Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимир. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил Бога: «Теперь узнал я истинного Бога». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуни… По крещении же Владимиру привели царицу для совершения брака».

А кто такая Анна? Летописи называют ее сестрой обоих императоров – Василия II и Константина VII. Если верить византийским хроникам и западноевропейским авторам, она была дочерью коварной Феофано – жены императора Никифора, которого убил его двоюродный брат Цимисхий, победитель Святослава. Цимисхий состоял в заговоре с Феофано. Вместе с тем в «Повести временных лет» мы находим утверждение о том, что Анна являлась не гречанкой, а болгаркой. Так, перечисляя всех сыновей Владимира во время крещения киевлян, Нестор говорит буквально следующее: «…а от болгарыни имел он двух сыновей: Бориса и Глеба». Возможно, летописец ошибся? Но имеются некоторые свидетельства, которые позволяют предполагать, что она действительно была болгаркой, дочерью болгарского царя Бориса, которого в 972 г. пленил Цимисхий. Все семейство Бориса император перевел в Константинополь, где в императорском дворце и проживали дети Бориса. От их имени императоры управляли Болгарией. Вследствие этого Анну и выдавали за сестру Василия II. Ведь не случайно и то, что вместе с нею в Корсунь прибыло большое число болгарских священников. Подтверждением этой версии может служить и то, что детям Анны дали болгарские имена Борис и Глеб.

Брак с болгарской царевной устраивал Владимира полностью. Он убивал сразу двух зайцев: с одной стороны, вступал в отношение родства с византийской императорской династией, а с другой – становился воспреемником царской власти над Богарией как муж болгарской царевны, и благодаря этому получал право на политический статус равного среди равных на Балканах и на Дунае, продолжая то, что было начато его отцом – Святославом.

«И повелел крестить киевлян»

Владимир, достигнув желаемого, построил в Корсуни церковь и стал готовиться в обратный путь. Он, отправляясь в Киев, прихватил с собой «культурные ценности города», двух медных идолов и четырех медных коней. Летописец замечает, что они «и сейчас стоят за церковью святой Богородицы, и про которых невежды думают, что они мраморные». Владимира сопровождали прибывшие с царевной епископы и некоторые церковнослужители Корсуни, среди которых находился и Анастас.

1 августа 988 г., согласно свидетельству летописи, состоялось крещение киевлян. (Ряд исследователей считает, что это произошло в 990-м или 991 году). 1 августа приходилось на пятницу. А пятница с древнейших времен была на Руси торговым днем. В пятницу запрещалась всякая работа. По свидетельству «Жития князя Владимира», крещение киевлян происходило не в Днепре, а в его притоке Почайне. Это утверждение выглядит весьма правдоподобно, так как в X в. Почайна была расположена гораздо ближе к Киеву, чем Днепр. Кроме того, этот приток омывал своими водами ремесленно-торговый район Киева – Подол. В гавань Почайны заходили иностранные и русские суда. Без сомнения, набережная Почайны в то время являлась главным торговым местом Киева. И это место князь избрал для крещения киевлян вполне сознательно. Дело в том, что самым сложным для Владимира было окрестить не бояр и дружинников – многие из них и сами выступали за христианизацию Руси, – не придворную челядь, находившуюся под контролем господ, а свободных ремесленников и мелких торговцев, в основном проживавших на Подоле, а также сельское население Киевской земли. А потому был большой резон направить в торговый день – в пятницу – массы горожан и жителей земледельческой округи, собравшиеся на подольском рынке, в освященные корсунскими попами воды Почайны и заставить «черных людей» принять христианскую веру. Любой другой день недели был менее подходящим для свершения этой акции.

Как же происходило крещение киевлян? Из «Повести временных лет» видно, что крещению предшествовала особая психологическая подготовка горожан Киева. Придя в свой стольный град, Владимир Святославич приказал уничтожить идолов языческих богов: «…повелел опрокинуть идолы – одних изрубить, а других сжечь». Совсем иначе князь поступил с идолом Перуна. «Перуна же, – продолжает летописец, – приказал [князь] привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу

к Ручью и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, Господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людям, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как зовется она и до сих пор». Это сообщение летописи вызывает у исследователей разное толкование действий князя. Одни усматривают в этом сохранявшиеся традиции уважения к главному языческому божеству; другие, и прежде всего историк О. М. Рапов, высказывает более убедительную версию. Он пишет: «Наибольшему надругательству подверглась статуя Перуна. И это выглядит не случайным явлением. Дружинникам и воинам-язычникам, на помощь которых в распространении христианства в дальнейшем рассчитывал Владимир, Перун представлялся самым могущественным богом. Поэтому его было необходимо скомпрометировать в их глазах». И это князю удалось сделать, поскольку данные действия были рассчитаны на дискредитацию Перуна и других «поганьских» богов в глазах не только киевлян. Это была яркая демонстрация жителям Руси бессилия языческих богов, наглядный показ того, что они не в состоянии отомстить Владимиру Святославичу и его христианскому окружению за нанесенные им оскорбления.

Владимир, исполнив задуманное, сообщает летописец, «послал по всему городу сказать: «Если не придет кто завтра на реку – будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, – будет мне врагом». Услышав это, с радостью пошли люди (о какой радости можно говорить, когда князь назвал всех, кто не придет, своими врагами), ликуя и говоря: «Если бы это не было хорошо, не приняли бы этого князь наш и бояре». Наступило утро следующего дня. Это была пятница 1 августа (день, который отмечает Русская православная церковь). «Вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, – записывает летописец, – и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И была радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол

говорил, стеная: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне»». Описание обряда крещения киевлян летописец заканчивает словами: «Люди же, крестившись, разошлись по домам».

В ином стиле христианизация киевского населения предстает в «Истории Российской» В. Н. Татищева: «По опровержении идолов и крещении множества знатных людей, митрополит и попы, ходящие по граду, учаху (обучая) люди вере Христове. И хотя многие принимали, но множайшии, размышляя, отлагали день за день; инии же закоснелые сердцем ни слышати учения хотели. Тогда Владимир послал по всему городу, глаголя: (далее следует текст летописи, но имеется дополнение: во-первых, крещение проводилось не в Днепре, а Почайне; во-вторых, «инии же нуждою последовали, окаменелые же сердцем, яко аспида, глуха затыкаюсче уши своя, уходили в пустыни и леса, да погибнут в зловерии их…») В. Н. Татищев, описывая обряд крещения, завершает свой текст следующими словами: «Презвитеры, стоя на берегу (на самом деле они стояли на деревянных помостах, закрепленных на берегу), читали молитвы и каждой купе давали имена особыя мужем и женам. Крестившимся же людем отходили каждой в домы своя, которых число так велико было, что не могли всех исчислить».

Картина, нарисованная здесь, выглядит намного убедительнее летописной. Источник объективно отразил, как на самом деле происходило обращение в христианство жителей столицы, а летописец Нестор или, что более вероятно, его редакторы сгладили все углы, не желая упоминать о том сопротивлении, какое оказало население Киева акции крещения. Сильное сопротивление введению христианства оказывали и жители остальной территории Руси.

Решив сделать христианами новгородцев, Владимир и Добрыня полагались на их поддержку, так как считались в городе своими людьми. Добрыня к тому же являлся новгородским посадником, там же в просторном доме жила его семья. Но этим надеждам не суждено было осуществиться.

Как только горожанам стало известно, что к ним идут Добрыня и воевода Путята с попами и войском, они собрались на вече, где учинили великий шум и ропот. Волхв Богомил призвал народ не пускать непрошеных гостей и не давать своих богов на поругание. Решено было выставить побольше людей для защиты города. Чтобы отрезать подходы к нему с посадской стороны, разобрали мост через Волхов, а со стороны, обращенной ко рву,

спешно сооружали новые земляные насыпи с частоколом.

Подойдя к Новгороду, Добрыня понял, что взять город приступом будет сложно. Тогда он принялся уговаривать новгородцев покончить дело миром. Новгородцы в ответ начали обстреливать противоположный берег из камнеметных орудий, вызвав переполох в стане противника. Все попытки дружины Добрыни переправиться через Волхов и высадиться на боярской стороне ни к чему не привели.

Защитой города продолжал руководить волхв Богомил. Ему помогал тысяцкий Угоняй. Он успевал появляться во многих местах, призывая людей стоять насмерть за старую веру и старые порядки. Возбужденные его речами горожане бросились к дому Добрыни, убили многих домочадцев и сожгли дом.

Тем временем, прибывший сюда епископ-корсунянин, ходил по домам посадской стороны и уговаривал жителей принять крещение. Ему удалось обратить в новую веру несколько десятков горожан, но этого было явно недостаточно.

Добрыня же, узнав о гибели своих домочадцев, перешел к решительным действиям. Дождавшись ночи, он снарядил пятьсот воинов под началом Путяты, поручив им переправиться на лодках на другой берег Волхова. Ночью, переплыв реку, отряд ворвался в город, захватил зачинщиков бунта и доставил их к Добрыне.

Наутро разгорелась жестокая битва новгородцев с дружиной Добрыни. В такой ситуации Добрыня приказал поджечь дома на боярской стороне, где проживала основная часть населения. Увидев, что огонь охватил большинство жилищ (дома строились из дерева), люди бросились спасать свое имущество, и сопротивление прекратилось. Новгородская боярская верхушка согласилась на мир с Добрыней и крещение населения города.

Статую Перуна Добрыня порушил самолично, изрубив ее топором, после чего, обращаясь к толпе, сказал: «Нечего вам их жалеть, если они сами себя защитить не могут. Нет вам от них никакой пользы!»

Покончив с языческими идолами, Добрыня принялся за крещение новгородцев. Правда, входить в холодные воды Волхова желающих не находилось. Тогда строй дружинников стал теснить людей к берегу и сталкивать их в воду. Тем, кто выходил из реки и поднимал руку, надевали на шею крест, а тех, кто пытался бежать, хватали и снова бросали в Волхов. Только тогда, когда таким образом искупалось значительное количество людей, Добрыня объявил, что крещение состоялось и что в Новгороде остается на служение епископ Иоаким, подчиненный Киеву. Так новгородцы стали христианами.

Введение новой веры встречало повсеместно стойкое

сопротивление населения. В Поволжье, вятских землях, в Приильменье вспыхивали восстания смердов и городских низов, возглавляемые волхвами. Истребляя каждого, кто упорствовал в языческих обычаях, церковь надеялась жестокостью, «огнем и мечом» искоренить «поганьские» привычки. Вплоть до XVII ст. ею давались строжайшие указания о том, чтобы все жители «пересташа рекам и озерам требы класть, дуплинам древянным ветви и убрусы обвешивати и им поклонятися…»

Владимир, завершив крещение киевлян, занялся закреплением христианского вероучения в среде новообращенных. Первым, и, пожалуй, главным шагом в этом направлении, стало строительство христианских храмов в городах и селах на местах бывших языческих капищ. В «Повести временных лет» сообщается, что Владимир Святославич после проведения массового крещения киевлян «…приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие, и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам». Князь и его приближенные понимали, что закрепление в сознании бывших язычников новой веры невозможно без христианских храмов, где священники могли бы вести ежедневную, активную пропаганду христианства. И поэтому церкви на Руси в княжение Владимира, согласно различным источникам, строятся во многих местах. Причем, вероятно, это строительство велось высокими темпами. Например, летопись под 989 г. записывает: «…жил Владимир в христианском законе, и задумал создать церковь Пресвятой Богородице, и послал привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, и, когда кончил строить (996 г.), украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней корсунских священников, дав ей все, что взял перед этим в Корсуни: иконы, сосуды и кресты». Но не только церковную утварь Владимир подарил церкви. Посетив ее при освящении, он сказал: «Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов». В памяти людей эта церковь сохранилась под названием Десятинной. «И устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, – завершает свое повествование летописец, – а бедным роздал много богатства».

Под 996 г. в летописи мы также встречаем интересное сообщение о строительстве церкви Преображения в Василёве, на том месте, где Владимир под мостом, «избегнув опасности» от печенегов, «точно построил церковь и устроил великое

празднование, наварив меду триста мер. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много, и роздал бедным триста гривен. Праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успенья Святой Богородицы, и здесь вновь устроил великое празднование, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его христиане, радовался душой и телом. И так делал постоянно».

Храмы в то время на Руси строились из дерева, и на их строительство уходило не много времени. По крайней мере, Титмар Мерзебургский отмечал, что только в Киеве в 1018 г., т. е. до вступления на киевский стол Ярослава, сына Владимира, насчитывалось более 400 христианских храмов. А Никоновская летопись говорит, что во время пожара в Киеве в 1017 г. сгорело более 700 церквей.

Другим важным для государства и культуры мероприятием Владимира стало распространение грамотности, воспитание русских священнослужителей. Дело в том, что волхвы, которые славились при Олеге предсказаниями будущего и считались мудрейшими в русских землях, часто занимались обманом или вводили людей в заблуждение.

Но времена Владимира стали началом истинного народного просвещения на Руси. Летописец повествует: «Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых. Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: "В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных"».

Подробнее об этом событии сообщает в своей истории В. Н. Татищев: «Митрополит же Михаил советовал Владимиру устроить училища на утверждение веры и собрать дети в научение. И тако Владимир повелел брать детей знатных, средних и убогих, раздая по церквам священникам со причетники в научение книжное. Матери же чад своих плакали о том вельми, аки по мертвых, зане не утвердилися в вере и не ведали пользы учения, что тем ум их просвещается и на всякое дело благоугодны творить, и искали безумнии дарами откупаться». Нам представляется, что ближе к истине В. Н. Татищев. Совет обучать детей скорее всего исходил от митрополита. Причем принимали в обучение не только детей богатых, но и бедных людей. Ведь в другом случае, поскольку матери богатых детей могли откупиться, исчез бы источник пополнения священнослужителей.

Владимир после принятия христианства, по описанию летописца, предстает перед нами в совершенно новом обличии.

Как мы уже знаем, он оказывает помощь нищим и больным, устраивает пышные празднества в городах, которые сопровождаются пиршествами и раздачей богатств из великокняжеской казны. Для чего он это делал? Можно предположить, что это в какой-то степени примиряло население Руси с верховным правителем и его новой религиозной политикой. Но Владимир, конечно, занимался не только подобными мероприятиями. В это же время князь старается определить и некоторые законодательные нормы государства. Так летопись сообщает: «И сильно умножились разбои». Словом «разбой» в древности обозначали не только вооруженное нападение лихих людей на мирных жителей с целью грабежа денег и имущества. Разбоем называли и любые выступления народных масс против зажиточного населения. Увеличение разбоев в годы крещения Руси, можно предположить, и стало своеобразным протестом населения, которое, бежав в леса и пустыни, оказывалось в тяжелом положении. Убийство и ограбление христианских священнослужителей, а также людей, изменивших древним народным верованиям и принявшим крещение, в их глазах выглядели нормальными действиями, угодными древним языческим божествам.

Владимир вначале отказывался казнить разбойников. На вопрос церковников: «Почему не наказываешь их?» – он отвечал: «Боюсь греха». Возможно, он боялся не греха, а надеялся мягким обращением с «разбойниками» склонить их к христианству и к прекращению враждебных действий. Но священнослужители требовали от князя самых жестоких мер: «Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе наказывать разбойников, по проверке». Тогда князь Владимир изменил свою политику: «…отверг виры и начал казнить разбойников». Однако это ударило по доходам церкви, бояр, старцев, да и самого князя. Епископы и старцы пришли к Владимиру и сказали: «Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и коней». В ответ на это Владимир смертную казнь, заменил денежным штрафом и прощением в грехах, в случае принятия христианства. Так, летописец сообщает, что в 1007 г. «хитростью поймали славного разбойника, которого зовут Могута. И когда он стал перед Владимиром и начал плакать громко, прося о прощении, говоря: «Поручителем Бога тебе даю, что отныне никакого зла не сотворю и буду в покаянии до конца дней моей жизни». Владимир же, улыбнулся, послал его к митрополиту, приказав, чтобы он никуда не выходил из дома, кроме церкви. Могут же, пребывая в монастыре, крепко сохранил эту заповедь; жил в тишине и умер благочестиво». Такими действиями

Владимир добивался больших успехов, нежели казнями.

Вероятно, в это же время Владимир издает Устав, по которому, сообразно с греческими «Номоканонами», монахи и церковники, богадельни, гостиницы, дома странноприимства, лекари и все люди увечные освобождались от светского суда. Дела их передавались на суд церковникам. Церковь рассматривала распри и неверность супругов, незаконные браки, волшебство, отравы, идолопоклонство, непристойную брань, преступления детей в отношении отца и матери, тяжбы родных, осквернение храмов, церковные разбои, снятие одежды с мертвеца и многое другое. Нет сомнения, что русское духовенство в первое время после принятия христианства решало не только церковные, но и многие гражданские дела, которые относились к совести и нравственным правилам новой веры (так было и в Европе).

Наряду с этим Уставом, конечно же, сохранялись и гражданские традиции судопроизводства, сложившиеся на протяжении столетий и основанные на совести и древних обычаях каждого племени. Утверждение же древнерусского государства требовало некоторой унификации этой практики. И в этом, как считает Н. М. Карамзин, определенную роль сыграли варяги, которые «принесли с собою общие гражданские законы на Русь, известные нам по договорам великих князей с греками, и во всем согласными с скандинавскими. Например, и в тех и других было установлено, что родственник убитого имел право лишить жизни убийцу, что гражданин мог умертвить вора, который не захотел бы добровольно отдаться ему в руки, что за каждый удар мечом, копьем или другим оружием надлежало платить денежный штраф. Эти первые законы нашего отечества, еще древнее Ярославовых, делают честь веку и народному характеру, будучи основаны на доверии к клятве, следовательно, к совести людей, и на справедливости. Так, виновный освобождался от штрафа, если он утверждал клятвенно, что не имеет возможности заплатить его; так хищник наказывался соразмерно с виною, и платил вдвое и втрое за всякое похищение. Так, гражданин мирными трудами нажив богатство, мог при кончине располагать им в пользу ближних и друзей своих. Трудно вообразить, чтобы одно словесное предание хранило эти уставы в народной памяти. Если не славяне, то, по крайней мере, варяги русские могли иметь в IX и X веке законы писанные, ибо в древнем отечестве их, в Скандинавии, употребление рунического письма было известно до времен христианских».

«Мать городам русским»

Киев во времена Владимира Великого занял главенствующее положение среди всех городов Руси. Он впервые в истории приобретает статус столицы крупнейшего в Восточной Европе государства и перестраивается на манер византийских городов, по праву считаясь одним из самых богатых в Европе. По свидетельству германских послов, посещавших город в разное время, столько золота, драгоценных изделий, мехов и прочих предметов роскоши им не приходилось видывать даже в таких столицах, как Рим и Константинополь. В столице Руси имелось множество княжеских и боярских дворцов, к которым обычно в средневековье примыкали домовые храмы. Кроме того, на каждой из киевских улиц, конечно, тоже размещалось по несколько церквей. Княжеские терема и боярские хоромы, как и множество церквей, производили неотразимое впечатление своей красотой и богатым убранством. Деревянные хоромы бояр возводились как многостенные и многоярусные строения. Их узорчатые крылечки, карнизы и окна украшали тончайшей резьбой и узорами, а шиферные кровли покрывали позолотой, отчего они «горели» на солнце, создавая поразительное по красоте зрелище. Все дороги и улицы Верхнего города выстилали плинфой и содержали в чистоте, а Боричев взвоз уже тогда был вымощен брусчаткой. Киевляне уже тогда слыли законодателями русских мод и всяческих украшений, а киевские ювелиры, чеканщики, портные и изготовители искусного узорочья славились не только во всех русских городах, но и далеко за пределами Руси.

Если мы сегодня представим себе план города (града Владимира), то увидим, что он располагался на горе. Здесь находилась большая площадь, к которой примыкал торг. Здесь же проживали и церковнослужители. На площади были поставлены привезенные из Корсуни античные статуи и бронзовая квадрига. По торжественным праздникам здесь же, на площади, собиралась княжеская дружина. Одновременно завершалось строительство крепости, или детинца, названного исследователями «город Владимира».

Как мы отмечали выше, на территории города в течение шести лет византийскими мастерами из кирпича была выстроена Десятинная церковь. Ее построили на том месте, где в свое время стоял дом варяга-христианина Иоанна, убитого язычниками Владимира в 983 г. Десятинная церковь первоначально была трехнефным шестистолпным крестово-купольным храмом, позже (в начале XI в.) обнесенным открытой галереей. Судя по

указаниям летописи, Десятинная церковь – это многоглавый – «о 15 верхах» – храм, и, следовательно, она имела сходство с Софийским собором, построенным позже Ярославом Мудрым. Византийские мастера внутреннее помещение церкви украсили богатой мозаикой и фресковой росписью, резными мраморными и шиферными плитами. В XI в. в храме похоронили жену Владимира Анну а позже и самого князя. Когда в 1240 г. войска татаро-монгольского хана Батыя захватили Киев, в городе, по свидетельству летописи, «была сеча кровопролитной; народ спасался на церковных сводах [Десятинной церкви] со своим добром, и от тяжести стены обрушились». Возле церкви располагались княжеские дворцы, многочисленные жилища и мастерские княжеских холопов. Возможно, здесь находилась и княжеская гридница, где, по свидетельству летописи, «каждое воскресенье устраивал князь в гриднице свои пиры». Некоторые арабские купцы рассказывают о роскошном убранстве и внушительных размерах гридницы. Они говорят о том, что «во дворе княжеском собиралось до 400 человек из храбрых соподвижников князя и его верных людей, они умирают при его смерти и подвергают себя смерти за него. Эти 400 человек сидят под его престолом. Престол же велик и украшен драгоценными камнями. Когда он желает ездить верхом, то приводят его лошадь к престолу и оттуда садится он на нее, а когда желает слезть, то приводят лошадь так, что слезает на престол». По-видимому, с этой самой поры народ дал Владимиру прозвание – Красно Солнышко. Под этим именем он вошел и в многочисленные былины.

Во стольном городе во Киеве
У ласкового князя у Владимира
Было пированьце, почестен пир
На многих на князей, на бояр,
На могучих на богатырей,
На всех купцов на торговых,
На всех мужиков деревенских.

На эти пиры князь, как и византийские императоры, приходил в богатых одеждах, стараясь подражать пышности константинопольского двора. Есть свидетельства, что русские послы именем великого князя требовали у императоров царской одежды и венцов. На что императоры, желая отличиться от «варваров» хотя бы этими знаками власти, отвечали им, что порфиры и короны сделаны руками ангелов и должны всегда храниться в Софийской церкви. На пиры в богатых одеждах

приходили бояре и городские старцы. Богатые люди носили одежду шелковую, украшенную пурпуром, драгоценные пояса, сафьяновые сапоги и т. п. Друзья Владимира, обедая у князя, ели серебряными ложками. Мед, древнее любимое питье всех славянских народов, оставался еще душою славных пиров. Но киевляне уже во времена Олега употребляли греческие вина и изысканные плоды из теплых стран.

Пиры и гульбища прекратились лишь в последнее десятилетие жизни Владимира. Как христианин, Владимир стал придерживаться постов и православных праздников. Народные же игрища из столицы переместились в сельскую местность, где еще долго сохранялись языческие традиции.

Киев при Владимире превращается в крупный торговый центр. Первые сведения о русском древнем купечестве относятся еще ко времени варяжских князей. Их договоры с греками свидетельствуют, что в X в. в Царьграде жило множество русских, которые продавали там невольников, мед, меха, воск и покупали различные ткани. Константин Порфирородный пишет, что в Хазарию и на Русь шли тогда из Царьграда пурпур, богатые одежды, сукна, сафьян, перец. К этим товарам, по утверждению Нестора, можно прибавить вино и плоды. Ежегодное путешествие русских купцов в Грецию Константин описывает следующим образом: «Суда их приходят в Царьград из Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Киева и Вышгорода. Подвластные россам славяне, кривичи, лучане и другие зимою рубят лес на горах своих и строят лодки, называемые однодеревки, ибо они делаются из одного дерева. По вскрытии Днепра славяне приплывают в Киев и продают оные русским, которые делают уключины и весла из старых лодок. В апреле месяце собирается весь русский флот в городе Вышичеве, откуда идет уже к порогам. Дошедши до четвертого и самого опасного, то есть Неясыть, купцы выгружают товары и ведут скованных невольников около 6000 шагов берегом. Печенеги ожидают их обыкновенно за порогами, близ так называемого Крарийского перевоза (где херсонцы, возвращаясь из Руси, переправляются через Днепр). Отразив этих разбойников [печенегов] и доплыв до острова св. Григория, русские приносят богам своим жертву благодарности и до самой реки Селины, которая есть рукав Дуная, не встречают уже никакой опасности, но там, ежели ветром прибьет суда их к берегу, они снова должны сражаться с печенегами и наконец миновав Конопу, Константию, также устье болгарских рек, Варны и Дицины, достигают Месимврии, первого греческого города».

Эта торговля, без сомнения, весьма обогащала русичей, раз

они преодолевали столько опасностей и трудностей. При этом они ходили на судах не только в Болгарию, Грецию, Хазарию или Тавриду, но если верить Константину, и в самую отдаленную Сирию. Черное море, покрытое их кораблями, или, точнее сказать, лодками, было названо Русским. Но византийские купцы едва ли преодолевали Днепровские пороги. Скорее всего в Киев приезжали купцы из Херсонеса.

Русские купцы торговали и с печенегами, которые занимались скотоводством, и продавали византийцам множество азиатских коней, овец и быков. Волжские болгары, как сообщает Эби-Гаукаль, арабский географ X в., доставляли из Руси шкуры черных куниц или скифских соболей; но сами туда не ездили, потому что там якобы убивали всех иноземцев.

О торговле русских с северными народами находим любопытные и достоверные известия у скандинавских и немецких летописцев. Средоточием этой торговли являлся Новгород, где со времен Рюрика поселились варяги, которые славились морским разбоем и были ловкими купцами. Там скандинавы покупали доставленные по древнейшему торговому пути «из варяг в греки» драгоценные ткани, домовые приборы, царские одежды, шитые золотом, и меха. Русские купцы бывали и во многих балтийских городах. Мы знаем, что Ливония зависела от Владимира: там ежегодно бывали многолюдные ярмарки, собирались весною норвежские и другие купцы, покупали невольников, меха и возвращались в отечество не раньше осени. Торговля с русскими купцами привлекала многих, поэтому летописцы того времени обыкновенно называют Русь страною, изобильною всеми благами.

Народ торговый не может обойтись без денег или их эквивалента. Ведь деньги не всегда бывают металлом. На Руси первоначально таким эквивалентом были шкуры зверей, куниц и белок. Слово «куны», таким образом, означало деньги. Но неудобство носить с собою целые шкуры для купли-продажи подало мысль заменить их «мордками» и другими лоскутками, куньими и беличьими. Можно предположить, что правительство клеймило их и что граждане сначала обменивали в казне эти лоскутки на настоящие меха. Однако ж, зная цену серебра и золота, на Руси издревле добывали их посредством внешней торговли. В договоре Олега с Византией сказано, что грек, ударив мечом русского или русский – грека, обязывался платить за вину 5 литров серебра. Русские также брали в Царьграде за каждого греческого невольника 20 золотников, т. е. византийских червонцев, «номием» или «солидов». Нет сомнения, что и внутри государства ходило серебро в монетах: радимичи вносили в казну «шляги» (шиллинги), без сомнения, полученные ими от хазар.

Однако ж «мордки» или куны долгое время оставались в употреблении, ибо золота и серебра не хватало для всех торговых оборотов и платежей. Гривной называлось определенное количество кун (шкурок куницы), равное по цене полуфунту серебра (около 200 гр.). Но уже в XIII в. гривна серебра содержала в себе семь гривен новгородских кун.

Большую роль в накоплении богатств и появлении металлических денег сыграл, безусловно, Анастас Корсунянин, которого Владимир назначил казначеем Десятинной церкви. При нем началось интенсивное накопление церковных богатств – как денег, так и имущества, благодаря которым так скоро утверждалось экономическое и политическое могущество государства. С накоплением средств Владимир учреждает собственную чеканку монет. Под надзором тиунов около ста кузнецов день и ночь переливали иностранные золотые монеты. Из расплавленного металла изготавливались длинные стержни, которые затем резали на кружки. Эти кружки и являлись основой для чеканки денег. На одной стороне монеты выбивалась княжеская печать – Владимир с венцом на голове, с крестом в правой и скипетром в левой руке; на обратной – княжеский знак: три перекрещенные копья.

Такой же печатью помечалось его серебро и золото, она же изображалась на стенах его палат и храмов, как символ власти и могущества князя. Обзаводились личными золотыми, серебряными или из твердого камня виниса печатями бояре и воеводы. В то же самое время, вероятно, возникли княжеские и боярские гербы.

Денежное обращение прочно входило в жизнь государства. Помимо дани натурой – житом, мехами, воском, рыбой и т. д. – каждая земля теперь обязана была выплачивать ежегодную дань Киеву и в гривнах. Так, Новгород выплачивал 2 тысячи; Червен и Волынь – по полторы, Тмутаракань, тиверцы и уличи – по тысяче и т. д. Денежными податями стали облагать места на торгах, переправы и переезды на мостах. Вводилась плата и за церковные требы – крещение, венчание, отпевание и пр.

Металлические деньги заметно оживили городские торги, возрос их торговый оборот, укреплялись торговые связи между городами. В Киеве образовался самый большой рынок на Руси. Торговля происходила на двух площадях: на Горе и на Подоле. На Подоле помимо русских торговали греческие, болгарские, персидские, еврейские и арабские купцы. Возможно, в этот период времени, на Руси появляется и ростовщичество, зародыш будущей банковской системы.

Итак, в годы княжения Владимира Киев становится многолюдным, богатым и самым красивым городом Руси, центром ее экономической, политической и культурной жизни, а князь Киевской Руси удостаивается звания кагана «земли Русской».

Последние годы свой жизни Владимир провел под Киевом в селе Берестово, что находилось на крутом берегу Днепра, на Печерских высотах. Жития святого Владимира представляют его в этот период кротким и смиренным христианином, предавшимся молитвам и покаянию за прежние грехи. Но этот образ далек от действительности. Князь, как и прежде, не слезает с боевого коня, отражает набеги соседей, усмиряет волнения в собственном государстве. Таким он оставался до последнего часа жизни, бросая вызов любому врагу, заявляя дружине: «Мостите мосты, расчищайте дороги». В Берестове же прошли и последние часы жизни Владимира Красна Солнышка. Летописец сообщает, что в июле 1015 г. князь сильно разболелся; «в этой болезни и умер июля в 15 день».

Литература

1. *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. – М., 2002.
2. Восточная Европа в древности и средневековье. – М., 1978.
3. Златоструй. Древняя Русь X–XIII веков. – М., 1990.
4. История Киева. Древний и средневековый Киев. В 3-х т. Т. 1 // Под ред. А. И. Артеменко. – К., 1982.
5. История русской литературы X–XVII веков // Под ред. Д. С. Лихачева. – М., 1980.
6. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 2. – М., 1908.
7. *Карпов А. Ю.* Ярослав Мудрый. – М., 2005.
8. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 1. Т. 2. – М, 1988.
9. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М., 1990.
10. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 1. – М., 1846.
11. *Лященко А. И.* Эймундова сага и русские летописи // Изв. АН СССР. – 1926. – Т. XX, № 12.
12. *Макарий* (Булгаков) История Русской церкви. В 6 т. Т. 1. – СПб., 1857.
13. *Муравьев А. В., Сахаров А. М.* Очерки истории русской культуры IX–XVII вв. – М., 1984.
14. Памятники литературы Древней Руси XI – начала XII века. – М., 1978.
15. *Пчелов Е. В.* Рюриковичи. История династии. – М., 2005.
16. *Рапов О. М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. – М., 1988.
17. *Руднев В. А.* Слово о князе Владимире. – М., 1989.
18. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. – М., 1984.
19. *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. Т. 1. – М., 1988.
20. *Татищев В. Н.* История Российская. В 7 т. Т. 2. – М.; Л., 1963.
21. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. – М., 1990.
22. *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XIV вв.). – М., 1986.
23. Дипломатия и войны русских князей. От Рюрика до Ивана Грозного. – М., 2006.